ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН
ЛИЦО
ОТМЩЕНИЯ
ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Лицо отмщения

«Владимир Свержин»

2009

Свержин В.

Лицо отмщения / В. Свержин — «Владимир Свержин», 2009 — (Институт экспериментальной истории)

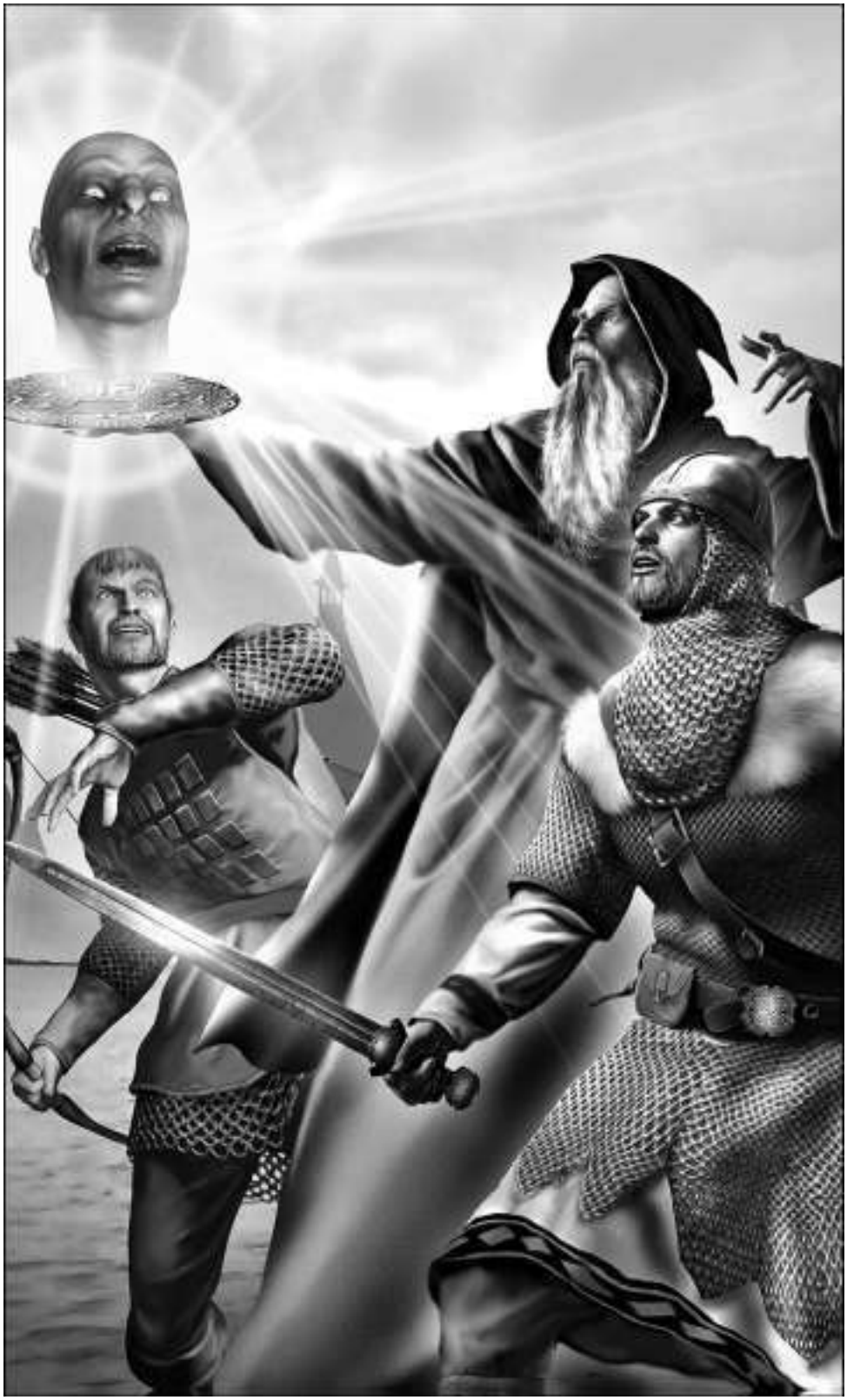
Приключения сотрудников Института Экспериментальной Истории продолжаются!На сцену выходит «крестный отец» Вальдара Камдила – Джордж Баренс, в Константинополе времен кесаря Иоанна II Комнина более известный под именем смиренного брата Георгия Варнаца, человека весьма пестрой судьбы и, по совместительству, доверенного соглядатая василевса, специализирующегося на загадочных и опасных руссах.Его задание – втереться в доверие к Великому князю Киевскому Владимиру Мономаху и выяснить, зачем этот доблестный муж не распустил свою рать по домам, а напротив, сильно увеличил ее за счет наемных отрядов варягов и степняков.Уж не собирается ли князь, по обычаю достославного своего предка Олега, идти на Царьград?А если нет – то на кого он идти хочет?И что за туманные слухи насчет клятвы, которую Владимир дал некогда своей возлюбленной супруге, дочери павшего в битве при Гастингсе короля саксов Гарольда?..

© Свержин В., 2009
© Владимир Свержин, 2009

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 31
Глава 5 38
Глава 6 46
Глава 7 53
Глава 8 60
Глава 9 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Владимир Свержин
Лицо отмщения



Пролог

Мы не юристы, чтобы давать друг другу заверенные ручательства. Мы – люди чести.
Дон Вито Корлеоне

Джордж Баренс аккуратно поправил стопку исписанных листов. Очередной, почти законченный том институтской эпопеи лежал перед ним на столешнице, ожидая последнего росчерка пера автора. Но тот глядел на ряды каллиграфических строк, не спеша поставить точку, в который раз задавая себе вопрос, что еще в рукописи можно изобразить лучше, точнее, изящнее... Вновь и вновь он ловил себя на мысли, что процесс создания книги сродни укрощению Пегаса, как это представляли себе древние греки, и это всерьез увлекает его, даже порою доставляет удовольствие.

Теперь лорд Джордж не просто выполнял задание руководства, теперь перед ним открывалось личное чудесное поле, которое он мог засеять фразами и увидеть, как на руинах событий минувшего вызревает зерно его мыслей и чувств. «И слово стало плотью», – тихо прошептал он изречение Нового Завета, любовно проводя рукой по шершавой странице рукописи. Ему не нравилась идея набирать текст на пишущей машинке, и уж тем паче на компьютере. Это казалось профанацией творчества. «Настоящая книга должна быть написана», – любил повторять лорд Баренс. Впрочем, в Институте никто и не собирался опровергать мнение одного из лучших сотрудников Отдела разработки.

Посидев еще немного над готовой рукописью, он вздохнул, будто готовясь расстаться с близким другом, открыл ящик стола и аккуратно положил в него плод работы последних месяцев. Затем, вернув ящик в исходное положение, нажал кнопку вызова диспетчерской службы.

– Слушаю вас, милорд. – На черной глади дисплея высветилось миловидное лицо.

– Я бы хотел знать, где находятся в данный момент Уолтер Камдайл и Сергей Лисиченко.

– Одну минуту! Желаете послушать музыку?

– Спасибо, не стоит, – отмахнулся Джордж Баренс.

– Как пожелаете.

Спустя указанное время лик на экране возник снова, с неизменной обворожительнной улыбкой на губах.

– В здании их нет. Они сейчас на полигоне.

– Что ж, – вздохнул Баренс, цепляя на грудь личный бедж с вмонтированной в него чип-картой, позволяющей безошибочно находить нужного сотрудника в закрытом институтском городке, – значит, на полигоне.

– Желаете их вызвать?

– Пожалуй, нет. – Он поднялся из-за стола. – Пройдусь. Если кому-то понадоблюсь – я там.

– Да, сэр.

– Отбой связи.

Как и обещала диспетчер, неразлучный тандем обнаружился на стрелковом полигоне. Вокруг Лиса, как обычно бывало в таких случаях, толклось с дюжину желторотых новобранцев, пришедших на импровизированное показательное выступление.

– Ну, то, шо вы видели – то все баловство, шо пяткой на макушке комара прихлопнуть. Ща пойдет высшая школа. Робин Гуд нервно курит в углу. Расщепление стрелы с разворота. Вот, посылаем стрелу в яблочко. – Сергей поднял лук и, почти не целясь, начал быстро опускать его.

– Тренируешься? – подходя к рубежу, поинтересовался лорд Баренс.

Лис отпустил тетиву, и стрела, точно ножка циркуля, уперлась в центр круга.

– Ну, елкин дрын! – возмутился непревзойденный лучник. – Ну в каком, спрашивается, тутошнем высшем аристократическом учебном заведении учат говорить лучнику под руку? Это все – злая месть за отстрел тех рыцарей, самоваров ходячих, в годы войны роз!

– Ну не ворчи, ведь выстрел все равно превосходный, – мягко улыбаясь, махнул рукой лорд Джордж.

– Как же, не ворчи, – с глицериновой слезой в голосе всхлипнул Лис. – А если бы я не попал? Какой пример я бы показал подрастающему поколению, этому племени молодому, не побоюсь этого слова, незнакомому? Ну, шо вы застыли, племенные незнакомцы? – без перехода крикнул он. – Луки в руки, стрелы в зубы, и вперед, к рубежу! Для начала попытайтесь застрелить вон тот щит. Шоб не было дурных вопросов, знакомьтесь – это не посадочный круг для вертолета, это ваша мишень. Давайте, мальчики, бойчее!

Закончив с новобранцами, Лис снова обратился к Баренсу.

– Не, ну правда, так не делают!

– Хорошо-хорошо, не делают. А Уолтер где?

– Там, за валом, от стрел уворачивается.

– О! Весьма похвально.

– Это шо, типа, намек? – Лис упер руки в боки и загорланил. – Капитан! Тут пришел твой дядя и злостно на нас намекает. Вот скажи мне, кто он после этого?

– Тот же, кто и до этого, – появляясь на гребне высокой земляной насыпи, невозмутимо прокомментировал Камдайл. – Доброе утро, дорогой милорд! Чем обязаны? Надеюсь, Лис, как обычно, сгущает краски.

– Хотел посоветоваться по поводу названия.

– Разве прежнее «Mimir's Head» чем-то плохо?

– Лис говорит, что по-русски это звучит как «Голова Мимира» и практически не произносимо.

– Точно! – вклинился лучник. – У нас с таким названием и рулон туалетной бумаги не купят! Ми-ми-ре-до-ре-ми-фа-соль! Еще и голого какого-то приплели. Хреновое название.

– Придумай лучше!

– Я придумал. Железный креатив, буквально всесокрушающий броневой кулак пиара! Книга будет называться «Кесарь матерной земли».

– Прости, как?!

– «Простикак» делается в другом месте. Но вам, аристократам, в это не врубиться, а также не въехать, будь вы хоть три раза шумахеры. Книгу с таким названием купит всякий уважающий себя настоящий мужик! В каждом красном углу будет спрятано под половицей это нетленное произведение. И слух об нем пойдет по всей Руси великой. Затем последует обязательный перевод на всяк сущий в ней язык, а возможно, и включение в школьную программу...

– Лис, что это тебя понесло?

– Да я ж за дело радею! Убойное название! Да ты и сам посуди, по отцу земля – отчая, по матери, стало быть, матерная. Это ж от души!

– У меня есть другое предложение, – спускаясь с вала, с мягкой непреклонностью произнес Уолтер Камдайл.

– Я знал, голос народа из моего лица не будет услышан этой кучкой оголтелых феодалов, душителей вольного слова!

– А может, тебе понравится.

– Ну давай, давай, не тяни!

– Мне представляется, что название книги «Лицо отмщения» устроит всех.

Лис на мгновение замер с открытым для очередного словесного залпа ртом. Затем покачал головой и махнул рукой:

– Ладно, уел. Годится.

Глава 1

Когда имеется высокая цель, всегда отыщется благородный повод для справедливой войны.
И. Сталин

Золотые львы у подножия трона императора ромеев грозно щерили клыки, предостерегая, что смерть грозит всякому, кто будет иметь неосторожность подойти ближе, чем предписывет строгий придворный этикет.

Василевс Иоанн II Комнин, наследник цезарей, властитель мира и покровитель христианской веры, восседал на блистающем троне в таком напряжении, точно солнечные лучи, проникающие сквозь витражные стекла, были стрелами, готовыми поразить его, сдвинься он на пядь в сторону. Великий доместик и логофет дрома[1] Иоанн Аксух, крещеный мусульманин, еще не так давно звавшийся Хасаном, докладывал ему о новостях радостных, но и настораживающих.

– Возле острова Хиос мы столкнулись с эскадрой эмирала Юсуф-паши. Против семи наших дромонов у сарацин было пятнадцать кораблей. Три нам удалось поджечь в первые минуты боя, остальные, не решась искушать судьбу, обратились в бегство. Мы не преследовали их.

– Отчего? – глухо спросил император.

Он прожил на свете уже около полувека и большую часть отпущенных ему лет провел в войнах как внутри державы, так и за ее пределами. Ответ, сколь ни печально, был ему хорошо известен, и все же, словно надеясь на чудо, он тайно желал услышать от друга и советника какую-либо иную причину внезапного приступа милосердия.

– Мой государь, силы магометан все еще превосходили наши, а запасы греческого огня, увы, закончились так скоро, что, если бы Юсуф-паша не поддался общей панике, нам нечем было бы удерживать его корабли на расстоянии. Когда б мы преследовали их, они бы очень скоро поняли, что нам больше нечем стрелять, и, увы, тогда исход сражения мог оказаться не в нашу пользу.

Император хмуро молчал, то стискивая в кулаке, то чуть отпуская золоченый посох. Великий доместик говорил чистую правду, и та доставляла Комнину язвящую боль. Для успешного ведения боя с любым врагом был жизненно необходим греческий огонь. Для изготовления же оного требовалось земляное, или, как его здесь называли, мидийское, масло. А где ж его взять, когда озера его ныне оказались в руках неверных?! Хвала Всевышнему, что не нашлось изменника, который бы надоумил гонителей христианства, как самим изготавливать сие грозное, не ведающее снисхождения оружие.

Государь опустил взгляд, слишком пристально рассматривая живописные складки отороченной золотой парчой долматики. Должно быть, наступали последние времена! Должно быть, Господь отвернулся от ревнителей христианской веры. Иначе как объяснить такое попущение врагам Константинова града?! Турки, сицилийцы, половцы, венецианцы, крестовое воинство римского епископа-отступника, числящее его врагом едва ли не большим, чем даже сарацины. Сколько еще недругов пошлет ему Господь? Скольких еще предстоит ему одолеть?

– Для успешной войны нужно земляное масло, Хасан, – негромко, но с напором проговорил император, вновь стискивая в привычных к рукояти меча пальцах золоченый резной посох. Когда они оставались одни, повелитель ромеев частенько называл своего крестника его

[1] Великий доместик, логофет дрома – высшие должности византийской империи. Соответствуют положению главного министра. – Здесь и далее примеч. автора.

прежним именем. Возможно, ему льстило, что столь одаренный и знающий иноземец служит ему, а не его врагам. – Иначе нам несдобровать!

– Я уже думал об этом, мой василевс, и Господь Всевеликий в неизреченной милости своей даровал глазам моим прозрение и разуму свет мысли. Как стало нам ведомо от надежных людей, обширные источники сего драгоценного масла, воистину крови земли, имеются неподалеку от Херсонесской фемы, в землях рутенов, в местности, именуемой Матраха. Они преизрядны и, главное, никому в тех краях не нужны.

– Ты не знаешь рутенов, Хасан! – поморщился василевс. – Стоит нам высадиться на том пустынном, забытом Богом и людьми берегу, как эти наши собратья по вере немедля вспомнят, что именно здесь у них лучший выпас свиней или улов мидий!

– Я подумал об этом, о преславный государь! При вашем дворе имеется один из родственников нынешнего правителя рутенов, некий севаст, или, как они говорят, князь, по имени Олег. Он был изгнан из своей земли родичами и, конечно же, страстно желает вновь захватить утерянный престол. Если мы поможем отверженному севасту взамен прежних обрести новые земли в Матрахе, именуемой варварами Тмутараканью, у него не будет иного выбора, кроме как дать нам на вечные времена возможность использовать имеющееся там земляное масло. Для него станет благом поступиться малостью, чтобы вернуть утраченное с лихвой.

– Рутены сейчас как никогда сильны, – задумчиво глядя на советника, промолвил василевс. – Их кесарь собрал воедино еще недавно разобщенные земли предков и держит их в кулаке так же крепко, как поводья своего коня. Он разгромил половцев и печенегов и... что хуже всего для нас, – Иоанн печально вздохнул и сделал паузу, намереваясь произнести то, что не давало ему покоя уже много лет, – сей варварский правитель – внук императора ромеев Константина IX Мономаха! Он с детства носит это родовое прозвание, весьма недвусмысленно напоминая мне, что имеет прав на константинопольский престол уж никак не менее, чем я.

– Однако же нынче на престоле Комнины, а вовсе не Мономахи. И самый великий из них, опора христианской веры и надежда своего народа, ныне восседает в столице империи, затмевая солнце днем и давая силы ночным светилам озарять империю! Что за беда, мой государь, в том, что какой-то далекий кесарь в своих диких северных краях носит всеми забытое ныне имя?

Уголки губ мудрого повелителя ромеев вновь сложились в печальную усмешку.

– В нашей стране, мой сладкоречивый друг, порою становились василевсами, имея на то куда меньше прав, чем у государя рутенов. Иные приходили в столицу босиком и с котомкой за плечами, а умирали в порфире! А этот опасный сосед наш, рутенский кесарь, силен и удачлив, его страна богата, и озера земляного масла находятся в его власти. Если мы начнем войну еще и с ним, империи, увы, не устоять. Быть может, ты не знаешь. – Иоанн II поглядел на склонившего почтительно голову великого доместика. – Дикие предки этого отпрыска Мономахов не раз грозили стенам Константинополя. Порою лишь чудо спасало столицу мира от гибели! Мы могли бы дать изгнанному родичу кесаря Владимира земли близ Херсонеса. Но кто знает, не послужит ли это первой искрой пожара, которому суждено погубить Вечный город. Это отнюдь не шутка, мой дорогой крестник. Что мы знаем о его планах, Хасан?

– Увы, совсем не так много, как вправе желать светлейший из государей. Купцы, побывавшие в его столице, рассказывают, что, по слухам, в этом году владыка Киявы вновь разгромил орды степных псов, однако не торопится распускать свою дружину, а также рати сыновей и братьев. Он закупает провиант, требует от Новгорода прислать ему все скованные там брони и не торговать ими более ни с кем...

– Он готовится к войне, это ясно как день, – нахмурился Комнин. – Возможно, даже к походу на Константинополь. А ты предлагаешь нам сейчас запустить ежа под мантию кесарю рутенов?! Дать ему повод?!

– Не я, о величайший, но лишь настоятельная и, увы, крайняя необходимость! Но если мы не можем полагаться на сталь, быть может, тогда доверимся золоту? – нерешительно предложил крестник императора. Он и сам прекрасно знал, насколько истощена казна, да и в том, что потомок Мономаха, появись у него хоть малейшая возможность, сам пожелает завладеть секретом греческого огня, у него тоже не было сомнений. Но иных способов обрести вожделенную «кровь земли», похоже, не было.

Государь метнул на него печально-удивленный взгляд.

– Нет, это тоже не подойдет. Пока ты жив, неразумно платить тем, кто роет тебе могилу.

– Мой государь, – после минутной задумчивости вновь заговорил Иоанн Аксух, – быть может, нам следует подойти к этому делу с иной стороны? Быть может, и впрямь кесарь рутенов счастлив во всем, и сам архангел Михаил в минуту рождения коснулся чела младенца своим крылом, но в одном Господь все же наказал его.

– О чем ты говоришь? – Император заинтересованно поднял брови.

– Он даровал властителю этой земли двух сыновей-близнецов. Его старшие наследники, по словам тех, кто их видел, весьма схожи с отцом и умом, и отвагой, и силой. Но когда Владимир Мономах умрет, а видит Бог, сколько бы ни было отмерено ему, большая часть земной его жизни уже позади, трон рутенов нужно будет разделить меж Святославом и Мстиславом. Так зовут наследников. Навряд ли они смогут усидеть на нем вдвоем. И, как не раз бывало в прошлом, поднимется брат на брата.

– К чему ты ведешь, хитрец?

– Совсем недавно Мстислав овдовел. Его жена, дочь варяжского короля, умерла родами. Если мы предложим ему руку вашей племянницы Никотеи, а заодно и поддержку Византии в его притязаниях на верховную власть...

– То поймаем в одни силки трех дроздов. – На лице императора впервые за время разговора появилась широкая улыбка, придавшая облику государя необычайно живое обаяние. Даже сейчас, когда он уже без малого полвека прожил в этой юдоли печали, глядя на него без труда можно было понять, за что в прежние годы его прозвали «Калоиоанн» – красавчик Иоанн.

– Быть может, это и вправду единственный путь. – Император величественно встал, опираясь на длинный посох сандалового дерева, украшенный затейливой резьбой, роднивший образ государя с образом мудрого пастыря. – Так и будет, – кратко произнес он, поправляя шелковое пурпурное одеяние с широкой золотой каймой. – Необходимо без промедления отправить посольство в Кияву. Конечно, император Византии не может предлагать руку своей племянницы рутенскому севасту. Но я очень надеюсь, что у тебя найдется разумный и опытный человек, который сможет направить помыслы наследника престола в выгодное для Ромейской империи русло.

– У меня есть такой человек, государь. Весьма надежный и весьма разумный. – Иоанн Аксух низко поклонился. – Я представлю вам его нынче же.

Полированное серебро зеркала отражало тонкие черты лица Никотеи, не давая, впрочем, ясного представления о девичьей прелести ее, но все же показывая, что севаста и впрямь необычайно хороша собой. Впрочем, никаких иных наблюдателей, кроме самой девушки, в покоях не было. Она медленно склонила голову тем самым образом, каким демонстрируют вынужденное согласие. «Нет, не так, – чуть слышно прошептала севаста – мягче, нежнее. – Она вновь повторила движение. – Еще нежнее».

Хотя при дворе василевса Никотею многие считали настоящей счастливицей, племянница государя отнюдь не причисляла себя к баловням судьбы. Дочь несчастной Анны Комнины, внучка императора Алексея I, она крепче «Отче наш» помнила историю восшествия на престол своего очаровательного дядюшки. И детские игры у трона венценосного деда тоже не

могла позабыть. Ей не раз говорили, что тот был славен коварством и вероломством, однако Никотея знала его престарелым добряком с вечным насмешливым прищуром и тяжелой одышкой. Никто в целом мире не мог разуверить ее в том, что он был лучшим монархом всех времен! В прежние годы могущественный повелитель ромеев любил усадить ее к себе на колени и, пичкая засахаренными фруктами, рассказывать о том, как она станет когда-то повелевать огромной империей, куда большей, чем огрызок, доставшийся в наследство ему. Дед величал ее своей маленькой императрицей и порою, когда они оставались одни, давал примерить священный венец цезарей. Но судьба, похоже, имела на ее счет вовсе иные планы.

Семь лет назад, в погожий день, когда по дорожке ипподрома под гул трибун мчали разноцветные колесницы, Алексею Комнину вдруг стало худо. Такое случалось и прежде, но в этот раз, невзирая на все ухищрения придворных лекарей, августейший монарх угасал на глазах. Его перенесли в Манганский дворец, и не успел еще дед преклонить колени пред святым Петром, как «убитые горем» родственники стали кроить под себя императорскую порфиру. Мать Никотеи, разумная и властная Анна Комнина, и бабка, императрица Ирина Дукена, вцепившись в последние мгновения жизни умирающего государя, точно охотничьи собаки в ноги убегающего оленя, заклинали Алексея передать власть Никифору Вриению, отцу Никотеи. Император что-то пытался сказать, задыхался, хрипел, упрямо заставляя Господа ждать... В отличие от ее дяди, Иоанна.

Тот не стал омрачать своим присутствием самые трагические минуты жизни повелителя ромеев и, пока августейший батюшка испускал последний вздох, с отрядом телохранителей стремительным ударом захватил императорский дворец.

Дед Никотеи умер, так и не высказав последней воли. Иоанн не явился даже на панихиду. Он сросся с тронным залом, точно полип с камнем, и никакая сила не могла выкурить его оттуда.

Ее мать не была бы истинной Комниной, когда б не попыталась свергнуть брата. Однако ее затея провалилась с треском. Кесарь Никифор Вриений, которому она прочила трон своего отца, в назначенный час попросту не явился во дворец. С тех пор, на взгляд Никотеи, он влачил жалкое, хотя и весьма обеспеченное существование близ нового государя. Матери повезло меньше – венценосный брат заточил ее в монастырь, спасибо еще, что не ослепил.

Так начались уроки власти, которые преподал ей, сам того не ведая, любящий дядюшка. Чтобы высокая наука лучше усваивалась, он отослал десятилетнюю проказницу на воспитание в монастырь к святым сестрам и вернул ко двору лишь спустя пять лет, чтобы использовать в качестве пешки в своей игре. Сейчас ей было семнадцать, и больше всего в жизни юной севасте хотелось, чтобы как можно скорее игра на доске, именуемой миром, стала ее игрой!

Никотея Комнина любила пришедшую из Персии забаву, именуемую шахматы. Более всего ей нравилось, что, пройдя через испытания и угрозы, маленькая пешка может стать ферзем, вернее, императрицей, могущественной и обладающей куда большей силой, нежели ее коронованный супруг.

Она еще раз без вульгарной поспешности склонила голову, не спуская при этом васильковых глаз с отражения в зеркале, и на этот раз осталась довольна. Ничего лишнего, движение короткое, благородное и величавое. Размышляя над превратностями судьбы, Никотея сделала простой, но верный, в сущности, вывод: из всего плохого можно извлечь нечто хорошее. Она была очень благодарна смиренным благочестивым сестрам за науку терпеть, не показывая виду, и повторять одно и то же действие сотни, тысячи раз, доводя его до совершенства. А также за еще более ценную науку обращать слабость в силу.

– Моя госпожа! – Персиянка Мафраз, рабыня, подаренная ей отцом на день ангела, входя в опочивальню, преклонила колени пред вельможной племянницей императора.

Никотея так и не простила отцу малодушия, но рабыней весьма дорожила. Во-первых, персиянки были, несомненно, лучшими во всем, что касалось румян, ароматов, тканей и доро-

гих украшений. Во-вторых, она недурно играла в шахматы, и, в-третьих, что было особенно важно, Мафраз была единственной, кто принадлежал именно ей, а не дяде василевсу.

– Пришел евнух от государя, моя госпожа, – своим мягким воркующим голосом произнесла невольница, – император призывает вас к себе.

– Зачем? – с персиянкой Никотея могла быть чуть более откровенной, чем с изображением в зеркале.

– Евнух не сказал.

Никотея, молча глядя на служанку, провела черепаховым гребнем от корней до самых кончиков своих длинных, волнистых, светлого золота волос. Персиянка верно оценила ее молчание.

– Один из варангов[2], что на карауле в тронном зале, обмолвился, будто василевс Иоанн желает выдать вас замуж.

– Вот как? За кого?

– Он назвал имя Мастлейва, сына кесаря рутенов.

– Сын кесаря рутенов... – чуть слышно повторила знатная ромейка. Взгляд ее выражал углубленную сосредоточенность, как обычно бывало, когда она неспешно обдумывала какую-нибудь шахматную каверзу. На этот раз ее размышления длились недолго. – Помоги мне привести себя в порядок, – быстро скомандовала она, выходя из задумчивости, – я должна предстать перед государем, как подобает маленькой нежной племяннице.

* * *

Крепость с четырьмя башнями, стражем притаившаяся над входом в горное ущелье, контролировала торговый путь между Францией и Италией. Она именовалась Себорга и с недавних пор служила центром небольшого княжества Священной Римской империи. Тропинка, ведущая меж скал к прилепившемуся над обрывом небольшому монастырю, была хорошо различима даже в сгущающихся вечерних сумерках. Каждый день вновь и вновь десятки монахов-бенедиктинцев спускались по ней к расположенным у подножья гор виноградникам и, чуть солнце начинало утомленно прятаться среди покрытых зеленью скал, снова возвращались в святую обитель, счастливые земным служением высшему промыслу.

В монастырской скриптории их ожидал подвиг духовный. Здесь по тщательно выделанному пергаменту скрипели отточенные перья, сохраняя для жаждущих спасения души слова Писания и мудрость святых отцов. Для редких же посвященных в законы и таинства под этими сводами переписывались древние повествования, еще по приказу святого Бенедикта Нурсийского хранимые в монастырской библиотеке.

В этот день монахи уже вернулись в аббатство, и гулкий колокол призывал к вечерне смиренную паству.

Путники, шедшие по узкой тропе меж отвесных утесов, черным одеянием походили на обитателей монастыря. Только сутаны их были запылены, на лицах проступала усталость. Святые отцы шли издалека.

– Вот мы и у цели, – проговорил один из них, осеняя себя крестным знамением при звуках колокола. – Учитель, быть может, теперь вы объясните, зачем нам нужно было идти сюда из самой Шампани?

– Стыдись, брат Гондемар, – смиренно пожурил его старший из монахов, невысокий сухопарый мужчина с изможденным, но полным внутренней силы лицом аскета, – пристало ли заботиться о ногах, когда речь идет о спасении души?

---

[2] Варанги – варяги, наемная византийская гвардия, комплектовавшаяся из выходцев с севера.

– Простите, святой отец, – заговорил другой спутник, – но неужели во всем княжестве не сыскалось священнослужителя, достойного принять исповедь и причастить умирающего?

– Нет, брат Россаль, – покачал головой духовный наставник, – здесь речь идет не о простой исповеди, потому-то князь Эдоардо и просил меня прибыть с двумя свидетелями.

– И как можно раньше, – добавил брат Гондемар. – Быть может, что-то предвещает скорую кончину самого князя?

– Кому то ведомо... – старший из монахов утер пот со лба, не останавливаясь на крутой тропе, чтобы перевести дух. – Все в руке Господней. Запасемся терпением. Не пройдет и часа, как мы сами узнаем.

Еще некоторое время они шли в молчании, покуда впереди не показались запертые ворота обители. Один из учеников, обогнав наставника, несколько раз стукнул посохом о тяжелую, окованную металлическими полосами створку.

– Кто вы, братья? – В воротах приоткрылось зарешеченное оконце.

– Почтенный собрат, – приветствуя бдительного привратника, заговорил старший из странствующей троицы, – доложи отцу настоятелю, что по личному приглашению князя Эдоардо прибыл смиренный Бернар из Клерво, а с ним благочестивые монахи Гондемар и Россаль.

– Вас ждут с нетерпением, преподобный отче!

Крытая веранда дворца императора ромеев вела из женской половины к покоям самого василевса. Сквозь ее арочные своды, покрытые затейливой резьбой, открывался залитый утренним солнцем двор, мощенный плитами. Во дворе, горячимые всадниками, гарцевали покрытые расшитыми попонами холеные андалузские жеребцы.

– Кесарь Мануил с друзьями собирается на охоту, – пояснил Никотее сопровождавший ее топотирит палатинов[3], Михаил Аргир. На мгновение в лице его мелькнуло нескрываемое презрение, но лишь на мгновение. Никто, вернее почти никто, кроме молодой севасты, не разглядел этой гримасы, но лицо ее сохраняло выражение безмятежного покоя, и ясные, небесной синевы глаза излучали смирение и кротость. Случись пролетать рядом ангелу, он бы легко принял Никотею за собственное отражение.

– Как странно, – лишь заметила она чуть нараспев, – даже солнце благосклонней к милому братцу Мануилу, чем ко всем прочим ромеям.

Это утверждение, весьма сомнительное в глазах многих придворных, в одном было неоспоримо. Светловолосый, как все Комнины, голубоглазый Мануил был настолько смуглым, что разве только привезенные из Африки невольники выглядели более темнокожими. Сторонники императора кивали на супругу Иоанна II, венгерскую принцессу, но та была как раз темноволосой и куда более светлолицей, нежели сын. Противники шушукались о некоем сарацинском пленнике, нашедшем путь если не к сердцу, то уж точно к телу императрицы.

Никотея прекрасно знала о ходивших при дворе слухах. Как знала и о том, что доблестный Михаил Аргир, завоевавший ратную славу в боях с половцами, неспроста носит фамилию матери. Знатную, но все же... Отец Михаила приходился кузеном ее бабке Ирине Дукене и был одним из активнейших участников провалившегося мятежа. С некоторых пор в Константинополе было не принято кичиться родством, а уж тем более принадлежностью к знатнейшему роду Дука. Став во главе дворцовой стражи, дабы не дразнить гусей, некогда спасших Рим, храбрый воин начал зваться Аргиром.

Догадывалась она также и о том, что командир палатинов тайно влюблен в нее. Впрочем, распознать его чувства было не трудно. Тем более что она сама исподволь подогревала эту страсть взглядами, улыбками, брошенными вскользь доверительными фразами.

---

[3] Топотирит палатинов – начальник дворцовой стражи.

– Постой, я хочу полюбоваться своим любезным братцем. Как он юн, как грациозен! – Никотея легко коснулась запястья могучего воителя. – Возможно, я вижу его в последний раз. Может быть, ты слышал, меня собираются отдать замуж куда-то далеко за море.

Глаза начальника дворцовой стражи яростно блеснули, на скулах заиграли желваки. Точно не замечая этого, Никотея продолжала говорить то ли с военачальником, то ли сама с собой.

– Вероятно, когда-нибудь Мануил станет василевсом. Конечно же, из него получится прекрасный государь. Посмотри, как он держится в седле, как хорош собой. Говорят, он весьма щедр, не чета отцу. Болтают, что он недавно устроил пир и раздал друзьям столько золота, что это составило налоги с целой фемы!

Каждое слово племянницы императора входило в душу Михаила Аргира подобно стреле, пущенной гонителями веры в святого Себастьяна. Вряд ли древний командир преторианцев в те мгновения чувствовал себя хуже.

Михаил следовал глазами за взглядом этой славной простодушной девушки и едва сдерживал клокотавшую внутри ненависть.

– Если сейчас он уедет на охоту, его не будет целую неделю, а может, и две. Скорее всего мы уже не увидимся. Больше никогда не увидимся! Какие ужасные слова! Как грустно покидать дом, с которым сроднилась, людей, к которым привязана всей душой! – Юная севаста покачала головой и скорбно вздохнула. – А скажи, охотиться – это и впрямь так опасно? Я очень боюсь за дорогого братца! Как подумаешь, что порою судьба целой империи может зависеть от удара рогов какого-нибудь дикого оленя... Но полно, не стоит об этом. Не дай Господь накликать беду! – Она встряхнула головой, и луч солнца, блеснув на ее золотистых локонах, радостно принялся играть среди них в прятки.

– Однако мы заставляем государя ждать. Идемте, мой доблестный страж, не стоит задерживаться, ибо только воля Господа превыше воли императора.

Почтительный настоятель монастыря поспешил лично проводить гостей туда, где их давно уже ждали. По сути, настоятель обители в Клерво, совсем недавно построенной в землях, подаренных Бернару графом Шампанским, ни в чем не превосходил своего преподобного собрата, аббата Сан-Микеле, однако даже помыслить о каком бы то ни было равенстве духовник князя Эдоардо не смел. Пред ним был не просто иерарх церкви, не просто учитель Божьего слова, рядом с ним, опираясь на посох, в насквозь пропотевшем, сером от пыли одеянии шествовала надежда всего праведного католического мира. И только гнусный язычник, схизматик или же полоумный мог не осознавать этого!

– ...Одной лишь волею небес можно объяснить, что этот старец еще жив, – открывая двери монастырской лекарни, пояснил аббат Сан-Микеле, – сей древний годами воитель среди иных паломников возвращался из Иерусалима, когда недуг сразил его. Впрочем, что же странного, в его-то лета! Так, должно быть, выглядел сам Мафусаил в последние годы жизни. В прежние времена сей мирянин был, знать, очень силен. – Он покачал головой и повторил – Очень! И поныне видать. – Аббат пропустил Бернара и его спутников. – Да вы и сами сможете убедиться.

Монашеские кельи никогда и нигде не были просторны, но эта из-за размеров тела, возлежащего на скрипучем монастырском топчане, казалась и вовсе крошечной. Человек, занимающий ее, был очень велик и очень стар. Он порывисто дышал, хватая воздух ртом. Глядя на него, казалось, что он дышит, из какого-то врожденного упрямства не желая поддаваться смерти. Бернар приблизился к умирающему и положил ему руку на лоб.

– У него жар.

– Не спадает уже несколько дней, – тихо пояснил аббат, – все это время он не приходит в себя, и я уж подумал, не зря ли вы проделали столь долгий путь.

– Господу было угодно, чтоб мы его проделали, следовательно, мы прошли его не зря.

Точно услышав эти слова, больной открыл глаза.

– Благословите, отче! – прошептал он, увидев перед собой Бернара.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! – творя крестное знамение, произнес настоятель Клервоской обители. – Сын мой, ты желаешь исповедаться?

– Недуг одолел меня у стен Иерусалима, – прохрипел умирающий, – по дороге в Яффо. Я не успел нагрешить.

– Чего же тебе надобно от меня?

– Поведать тайну. Мне нельзя унести ее в могилу. Меня звать Арнульф. Из народа данов. Когда-то я был оруженосцем у короля Харальда Хардрады. В последнем бою у Стэнфорд-Бридж... – Старик замолчал и откинулся на топчан, прерывисто дыша, словно после долгого бега.

Бернар Клервоский и аббат переглянулись. Событие, о котором говорил старец, произошло более шестидесяти лет тому назад.

– У короля была голова, – снова приходя в чувство, пробормотал несгибаемый старец.

– Ну конечно, – кивнул святой отец.

– Нет! У него была отсеченная голова, – с досадой выдохнул его собеседник.

– Говорят, он был убит стрелой, – неуверенно произнес аббат Сан Микеле.

– Это правда, я был рядом. У короля была отсеченная голова, которую Хардрада всегда держал при себе. И она говорила.

– В уме ли ты, сын мой?

– Это правда, святой отец! – с неожиданным для умирающего жаром проговорил Арнульф. – Мне скоро подыхать, но я в здравой памяти! Король возил голову на серебряном блюде и вопрошал ее, когда хотел узнать что-то важное. И голова давала ему ответ! Верный ответ! Всегда верный! Этот старый дракон всякий раз знал, что намерен предпринять враг.

– Это не помогло ему при Стэнфорд-Бридж.

– Король спросил... устоит ли трон англосаксов, и голова ответила, что и год не успеет смениться, как на престоле в Лондоне будет восседать потомок конунгов.

– И сбылось по тому, – тихо проговорил Бернар Клервоский.

– В тот день в Иерусалиме... – не обращая внимания на слова прелата, продолжал умирающий дан явно слабеющим голосом, – ...на стене фреска, – силы уже окончательно оставляли его, – такая голова... – совсем уж еле слышно прошептал он. При этих словах порывистое дыхание его вдруг пресеклось, и глаза последнего викинга закатились.

– Он мертв, – тихо, прикрывая зрачки Арнульфа, пробормотал Бернар.

– То, что сейчас произошло – чудо! – не слыша его, ошарашенно выдохнул настоятель Сан-Микеле.

Глава 2

Отсутствие выбора облегчает выбор.
А. Кочергин

Сиятельный Иоанн Аксух с почтением глянул на своего протеже. Тот был немолод, но в глазах его светилась мудрость Божьего человека, в манерах чувствовалась ловкость царедворца, а в осанке проглядывала спокойная уверенность профессионального воина. И то сказать, всем этим резидент институтской агентуры Джордж Баренс, или, как его называли в этом мире, Георгий Варнац, обладал с избытком.

– Император готов отправить в Киев специальное посольство. Официальная миссия – заключение оборонительно-наступательного союза. Реальная – получение доступа к нефтяным месторождениям Тамани. В качестве наиболее эффективного средства планируется организовать женитьбу князя Мстислава Владимировича на племяннице императора, Никотее.

– Что она собой представляет? – поинтересовался Баренс.

– Мила, обходительна, очаровательна... Ничего серьезного. Она меньше двух лет при дворе, до этого воспитывалась в монастыре.

– Скромница?

– Я бы не сказал. Скорее любезница.

– Хорошо, посмотрим.

– Ваша официальная задача – стать глазами и ушами императора при дворе Владимира Мономаха. А если получится, то и его весьма красноречивым языком.

Лорд Джордж молча усмехнулся. Убогое рубище монаха-василианина[4], отшельника меж сынов человеческих, при необходимости открывало путь в самые недоступные палаты и самые жестокие сердца.

– В этом государь может не сомневаться.

– Но вы уверены, что так называемая голова Мимира находится в руках Мономаха?

– Голова находится в руках... – с задумчиво-поэтической ноткой в голосе повторил за ним Баренс. – Хасан, друг мой, если бы я мог быть уверен, что она находится там, можешь не сомневаться, ее в этих самых руках уже давно бы не было. Но, во-первых, это всего лишь мои предположения, и, во-вторых, как это ни прискорбно, я пока не нашел сколько-нибудь внятных указаний на то, что она такое, эта самая возвещающая истины голова. На сегодняшний день ясно одно: если этот предмет не измышление вещего Баяна и действительно существует, то вероятнее всего это некий артефакт, нарушающий темпоральный континуум и имеющий по отношению к этому миру экстрацивилизационное происхождение. То есть по всем законам быть его здесь не должно! А следовательно, необходимо его изъять, а заодно и выяснить, откуда он тут взялся.

– Но почему вы думаете, что она именно на Руси, мэтр?

– Я посмотрел карту похода Владимира Мономаха на половцев, попросив, чтоб на базе мне ее максимально детализировали. И знаешь, наблюдается удивительная закономерность. Как бы ни силились половецкие ханы нанести по его владениям неожиданный удар, как бы ни выбирали они сроки и направления атаки, дружины Владимира всегда оказывались в нужное время в нужном месте. Причем именно там, где их ждали меньше всего. Я сравнил эти карты с раскладками прежних войн. Ничего подобного до того в этих местах не наблюдалось.

– Быть может, просто хорошая разведка? – предположил крестник императора.

---

[4] Монахи-василиане – последователи духовного направления православной церкви, основанного святым Василием. Вели уединенную, почти отшельническую жизнь.

– Быть может, друг мой, – неспешно проговорил Джордж Баренс, – и даже скорее всего. Но это вовсе не отвечает на имеющиеся вопросы. Половцы живут разобщенно и нападают чаще всего – как в голову взбредет, как белый конь глянет или птица ночью прокричит. Планов действий, которые можно было бы выкрасть и передать в Киев, у них нет, и не было никогда! К тому же в каждой их веже шпиона не посадишь. А даже если вдруг посадишь, без мобильной связи и приборов спутниковой навигации попробуй определи в степи и скрытно передай в Киев, пройдет конный отряд там, где ты стоишь, или же даст крюк миль десять в сторону.

– Можно ставить засады в местах водопоя.

– Можно, и половцы это прекрасно знают. Но Владимир обычно перехватывает врага на марше. Он имеет точную информацию, каким путем пойдут ханские войска. И, возможно, не только это. Согласись, подобный факт настораживает.

– Пожалуй, – кивнул великий доместик.

– Именно поэтому я должен лично отправиться в Киев и, как говорят в России, разобраться на месте. Кстати, – Баренс немного помедлил, – кого намерены поставить во главе посольства?

– Пока не знаю. – Иоанн Аксух пожал плечами. – Но возможно, император и сам еще не решил.

– Ну что ж. – Лорд Баренс поправил вервие, поддерживающее его бесформенный балахон. – Доживем – увидим. – Он еще раз придирчиво окинул взглядом свой наряд. – М-да. Надеюсь, у меня достаточно смиренный вид?

Деревянная скамья, на которой перед толстым фолиантом восседал Бернар Клервоский, имела заметный наклон вперед. Сидеть на ней было не слишком удобно, но зато уснуть практически невозможно, что было немаловажно для усердных орденских переписчиков, день за днем скрупулезно копировавших десятки страниц многочисленных рукописных сокровищ.

– Доблестный Гуго де Пайен, которого вкупе с прочими бедными рыцарями христовыми семь лет тому назад в этих стенах вы благословили на подвиг, не зная устали и страха охраняет паломников на пути в Иерусалим. Я полагаю особой милостью провидения и небесным знаком, что именно он узрел сокрушенного недугом Арнульфа и, выслушав речь его, велел перевезти сюда.

– Если то, о чем говорил этот несчастный дан, правда, а не предсмертный бред, то, несомненно, он видел воочию главу святого славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Но как доподлинно узнать, так ли это? – Бернар Клервоский приблизил тонкий нервный палец к открытому тексту. – «...Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде, и отдал ее девице, а девица дала ее матери своей. Ученики его, услышав, пришли и взяли тело его, и положили его во гроб», – так сказано в Святом Евангелии от Марка. У Матфея же значится: «Когда до царского дворца дошли слухи о проповеди Иисуса и совершавшихся им чудесах, Ирод вместе с женой Иродиадой пошли проверить, на месте ли глава Иоанна Крестителя. Не найдя ее, они стали думать, что Иисус – это воскресший Иоанн Предтеча».

Далее же, во времена святой Елены, матери императора Константина, чудесным образом обретенную главу Крестителя неким весьма странным путем заполучил бедный гончар родом из города Эмесы. Как здесь сказано, святой Иоанн явился двум инокам во сне и открыл им место тайного захоронения главы. Те пошли и обнаружили нетленную святыню в указанном месте. Положив честную главу в кожаный мешок, они понесли ее в свою обитель. Однако же по пути встретили сего гончара... – Бернар Клервоский замолчал, давая собеседнику возможность получше осознать услышанное. – Мне кажется полной нелепицей рассказ о том, что монахи, повстречав в дороге нежданного спутника, вдруг ни с того ни с сего доверили ему нести столь великую святыню. Мне также представляется вздорной выдумкой, что, глядя на попуститель-

ство и нерадение монахов, полунищий бродяга решил оставить их, прихватив с собой мешок. Все это куда больше напоминает обычное воровство.

Но вот что странно: как позже утверждал похититель, не кто иной, как сам Иоанн Креститель, велел ему покинуть нерадивых иноков. И он же затем благословил дом безвестного гончара, даровав тому богатство и долголетие. Здесь написано, что впоследствии гончар стал необычайно благочестив и милосерден, что он раздавал бедным и убогим большую часть своих богатств, а умирая, завещал голову Иоанна сестре, повелев и далее передавать ее богобоязненным, добродетельным христианам. – Настоятель Клерво постучал пальцем по странице. – Не мне, смиренному затворнику, судить о делах мирских, а тем паче о помыслах Господних! Я лишь могу предположить, что таким необычайным образом Спаситель в который раз дал ощутить уверовавшим неизменное радение свое о сирых и убогих. Дальнейшая судьба величайшей реликвии христианского мира тоже весьма примечательна. Спустя какое-то время усекновенная глава славнейшего из людского племени, всеблагого крестителя Господня, попала к некоему иеромонаху Ефстафию, зараженному арианской[5] ересью. Многие больные приходили в дом его, и он лечил их, возлагая руки. Но того не знали исцеленные, что сие приходит к ним не от мнимого благочестия отступника, а от святой главы.

– Видно, той же необычайной целительной силой и объясняются завидное долголетие и ясность ума, которые старец Арнульф сохранял многие годы, – тихо предположил аббат Сан-Микеле.

– Быть может, брат мой, быть может, – согласно кивнул Бернар Клервоский. – ...Когда же обман вскрылся, святыня была доставлена в Константинополь.

– Вероятно, оттуда-то ее и похитил Харальд Хардрада. Помнится, будущий король состоял на службе у императрицы Зои и в час мятежа скрылся из Константинова града на корабле, груженном неисчислимыми сокровищами.

– Да, это так, – подтвердил его собрат. – Надо признать, что со дня бегства из ромейской столицы и до смертного часа благословение небес не оставляло этого сурового воина.

– Я еще хотел добавить, – точно извиняясь, что перебивает возвышенные размышления Бернара Клервоского, негромко произнес настоятель обители, – в стенах монастыря хранится древний пергамент... – Он замялся. – Сия рукопись не была сочтена достойной включения в число текстов, подобающих для изучения благочестивыми христианами. Под нею стоит личный знак некоего римского патриция, Фида Манлия Торквата, бывшего в те годы военным трибуном в провинции Сирия. Он присутствовал на том самом пиру во дворце царя Ирода, когда Саломея в награду за свой танец потребовала отсечь голову Предтечи. Среди прочего в его письме есть такие слова: «...и усекновенная, мертвыми устами славила она имя Бога своего».

Бернар Клервоский молча выслушал святого отца, принял из его рук ветхий от древности пергамент и аккуратно развернул его.

– Как бы то ни было, – завершив чтение, наконец глухо произнес он, – святыня должна быть найдена и возвращена. – Бернар пожевал губами. – Возвращена нашей церкви.

Источник Сладкие воды слыл любимым местом отдыха всех сановных бездельников, выезжавших за столичные стены в поисках острых ощущений. Кабаны и олени, во множестве водившиеся в этих местах, были желанной добычей всякого охотника. Когда же сгущались сумерки, азарт погони сменялся обильным возлиянием тонких хиосских и родосских вин и охотой на дичь совсем иного рода. Казалось, сам похотливый козлоногий Пан толкает ловцов на все мыслимые безумства, порождаемые кудлатой головой лесного рогоносца.

Михаил Аргир прекрасно знал эти места, ибо в прежние времена сам не раз принимал участие в здешних скабрезных увеселениях. Спрятавшись близ тропы за расколотым молнией

[5] Арианство – еретическое учение в христианстве, почитавшее Бога Отца превыше Бога Сына.

дубом, он напряженно высматривал намеченную жертву. Сумерки все более сгущались, поляна у воды была полна народу, и главное сейчас было не потерять из виду темнолицего Комнина. «Ну же, сосунок, – шептал он, – я знаю, ты пойдешь сюда». Тропа, возле которой начальник дворцовой стражи устроил засаду, еще немного вилась по лесу змеиным следом, затем от нее ответвлялась едва заметная стежка к уютному, заросшему диким виноградом гроту, где к услугам пылких влюбленных было заранее приготовлено мягкое ложе, благоухающее цветами. «Ну давай же, чего ты ждешь?!»

Михаил Аргир понимал, что, отправившись по этой тропинке, Мануил, вероятно, прихватит с собой какую-нибудь девицу. Но что в том за беда?! Несчастную легко можно оглушить, напав сзади. Она и понять ничего не успеет. А вот Комнину уже не уйти! Последние крошечные песчинки текут в часах его жизни! И когда сорвется в бездну небытия последняя – тогда-то он, потомок императора Романа III, и поднимет своих людей! Василевс не будет долго убиваться над телом сына – он ляжет рядом не позднее завтрашней ночи! Когда же оба Комнина будут мертвы, ничего не помешает новому императору взять в жены прелестную Никотею и тем самым лишний раз утвердить свое право на трон.

– Прочь, оставьте меня! – услышал он голос Мануила, звучавший в хоре других радостных выкриков. – Я ухожу. И не идите за мной, несносные! Вы меня утомили.

– Ну, вот и все, – прошептал Аргир, доставая из поясной сумки острый, как копейное жало, клык матерого вепря.

С поляны были слышны недовольные возгласы, просьбы остаться и не покидать приятную компанию, но топотирит палатинов их не слушал. Он видел, как отделилась от толпы худощавая фигура в длинном плаще с капюшоном, как юноша подхватил под уздцы коня и ступил на тропу. Этого андалузского жеребца командир дворцовой стражи приметил уже давно. Ему даже представлялось, что на попоне, его украшающей, изображен вовсе не герб Комнинов – две руки в лазоревом поле, держащие золотой императорский венец, а его собственный.

«Давай, – шептал знатный ромей, – давай же, подойди-ка поближе». Словно подчиняясь зову притаившегося в засаде душегуба, юноша сделал еще несколько шагов к расколотому дубу, прошел мимо и... Тело Аргира выпрямилось стремительно. Так бросается на антилопу притаившийся в засаде пардус. Рывок, и в одно движение опытный воин сбил наземь ничего не подозревающую жертву, перевернул лицом к себе, занес руку с клыком и обрушил ее на горло несчастного.

«Нет!» – пытался вскрикнуть тот, но не успел. Однако и первого звука, донесшегося до ушей Михаила Аргира, было достаточно, чтобы понять, что пред ним не Мануил Комнин. Испуганный конь в ужасе стал на дыбы и, почувствовав, что узда больше не держит его, с громким ржанием припустил со всех ног прочь с места расправы.

«Проклятие!» – Убийца зарычал от бессильной ярости и в негодовании отбросил в сторону окровавленное оружие. На земле перед ним, истекая кровью, толчками льющейся из разорванной артерии, лежал юный паж кесаря Мануила. Не разбирая дороги, Аргир кинулся прочь, не чувствуя ни хлещущих по лицу ветвей, ни укрытых в траве корневищ, норовящих броситься под ноги.

Великий князь Киевский молча внимал звучавшему в темноте голосу.

– ...Иначе не устоять твоей земле. И труды жизни твоей канут без следа, словно дождь, пролившийся на бесплодный камень.

Владимир Мономах хмурился. То, что узнал он нынче в потаенном схороне, упрятанном от чужих глаз в подземелье княжьего терема, наполняло сердце его печалью. Жизнь покидала его, и хотя, глядя на Великого князя, еще никто не мог сказать, как мало отмерено ему небесами, сам он теперь знал об этом наверняка. Однако не скорый конец отпущенных ему дней тревожил государя. Мономах не страшился смерти. Он прожил немало лет и зачастую играл

с костлявой в гляделки куда пристальнее, чем другие. Война и охота, козни сородичей и смертельные недуги – всему этому он давал укорот недрогнувшей рукой.

Куда хуже было другое: видение того, как Русь, что собирал он воедино все эти годы, опять станет подобна оленьей туше, раздираемой ненасытными волками, терзало его превыше ужаса смертной бездны и всех телесных мучений. Еще бы! Его первенцы, братья Мстислав и Святослав, могли бы даровать отцовское счастье всякому честному мужу. Но сейчас!.. Ни один не уступал другому силой и доблестью, ни один не ведал страха и сомнений. Ни один не признавал себя младшим!

– Что же мне делать прикажешь?! – тихо проговорил Владимир Мономах, хмуря тяжелые брови.

– Не стану приказывать, – донесся из темноты шелестящий, точно падающий лист, голос. – Доверься судьбе. Уж если дала она тебе двух сыновей, возрастом и ликом равных, пусть один будет усладой отцу, другой же – отрадой матери.

– Но Гита мертва, – словно решив, что ослышался, напомнил Великий князь, и усталое лицо его невольно дернулось от тяжелого воспоминания о давней утрате.

– Пред Творцом Вечности все прах, и все живо им, – тихо произнес незримый собеседник. – Пусть возрадуется дочь короля Гарольда.

Раскидистый платан, посаженный еще Романом III Аргиром во дворе его дворца, дарил спасительную тень в знойные полуденные часы. Но сейчас, в полуночной тьме, правнуку незадачливого государя было не до тени и не до семейных преданий. Одна из толстых ветвей покрытого буйной зеленью исполина подступала так близко к окну его опочивальни, что в один прыжок можно было взобраться как из дворцовых покоев на дерево, так и обратно. Еще совсем недавно Михаилу казалось, что он продумал все до мелочей: устроив в своем дому небольшую пирушку для нескольких приятелей, он подпоил их купленным у ловкой Мафраз сонным зельем и незаметно улизнул из дворца, оставив друзей и куртизанок любоваться снами, навеянными чудесным эликсиром. Однако дело не задалось: этот чертов паж – какая нелегкая понесла его отводить хозяйского коня?! И вот сейчас...

Чтобы покинуть дворец, огороженный высокой стеной, командир палатинов воспользовался потайным ходом, известным лишь немногим. Тем же путем он вернулся во дворец. Но стоило ему пройти шагов двадцать по ночному саду, как из-за деревьев послышался резкий окрик, и трое стражников, бряцая доспехами, выступили на тропу, преграждая ему путь. «Ну вот и все, – подумал было вельможа, но быстро спохватился. – Нет, они еще ничего не могут знать».

– Молодцы! – принимая вид отца-командира, одобрительно кивнул он. – Это хорошо, что вы не спите. Бдительность превыше всего! Хвалю. Утром зайдете ко мне.

Узнав военачальника, копейщики отсалютовали оружием. Михаил Аргир отправился дальше неспешной поступью, будто спустился ночью в сад с единственной целью – проверить, бодрствуют ли ночные стражи. На душе у него скребли кошки. Он гадал, заметили копейщики или же нет, что их командир всего несколько минут назад мчал по лесу, точно следом за ним гнался взбешенный рой диких пчел. Конечно, заметили, не могли не заметить! Размышляя подобным образом, топотирит палатинов добрался до заветного платана, подпрыгнул, хватаясь за ветку, подтянулся и в несколько движений оказался в своих покоях.

Факелы уже догорели, но света луны, пробивавшегося сквозь листву, вполне хватало, чтобы разглядеть посуду, расставленную на пушистом хорасанском ковре, устилавшем пол меж скрипучими ложами. Традиция, пришедшая еще с римских времен, гласила, что пиршественное ложе должно иметь свой голос, издаваемыми звуками участвуя в празднестве. Молчание подозрительно, как считали древние.

Михаил Аргир подхватил серебряный кувшин, полный хиосского вина и, не утруждая себя никчемной процедурой наполнения кубка, с жаром начал пить драгоценный дар виноградной лозы. Вино не пьянило. Михаил опустился на ложе, перекинул через свою шею руку спящей рядом куртизанки и поудобнее умостился на ее груди.

«Нужно заснуть, быстро заснуть, чтобы в тот час, когда смерть пажа обнаружится, меня нашли сладко дремлющим среди друзей и веселых красавиц!»

Император пристально глядел на человека, которого ему только что представил Иоанн Аксух. Смотрел, пытаясь прочитать грядущее в величаво спокойных чертах лица стоящего перед ним монаха. Сможет ли он справиться с той многотрудной задачей, от которой сейчас, возможно, зависит судьба империи? Весь его вид выражал смирение, но то не было смирением убогости, и это могло оказаться как полезным для задуманного, так и опасным. Кто знает, что вырвется на волю в тот час, когда под напором обстоятельств покров христианской благости разлетится в клочья? Если человек, оставив военную службу, ушел в монахи-отшельники, только ли нерушимая любовь к Богу двигала им? Или нечто иное?.. Что же? Негоже ему, покровителю истинной веры, спрашивать об этом слугу Господнего, а, пожалуй, стоило бы.

– Как звать тебя? – сурово поинтересовался Иоанн II.

– Георгий Варнац, государь.

– Почтеннейший логофет дрома известил меня, что прежде, чем удалиться от мирской жизни, ты служил мечу.

– То было давно, – склонил голову монах-василианин, – еще в те годы, когда ваш покойный отец воевал с герцогом Боэмундом. Затем я служил в Херсонесе.

– И что же заставило тебя сменить путь воина меча на стезю воина Духа Божьего?

– Слишком много крови льется вокруг, – смиренно опуская очи долу, вздохнул Джордж Баренс.

– Какой же чин ты имел?

– Я был протиктором[6].

Иоанн II кивнул.

– Ты хорошо знаешь Херсонесскую фему?

– Хорошо, мой государь.

– Иоанн Аксух сказал, что на твою верность можно положиться, а твои познания в военном деле – не меньше, нежели в богословии.

– Это верно, – скромно кивнул монах.

– Можешь ли ты сказать мне, что написал о греческом огне император Константин Багрянородный в «Рассуждениях о государственном управлении»?

– В этой книге, – нимало не смущаясь внезапным экзаменом, негромко ответил испытуемый, – написанной в назидание сыну, император говорит: «Ты должен более всего заботиться о греческом огне, и если кто осмелится просить его у тебя, как просили часто нас самих, отвергай эти просьбы и отвечай, что огонь открыт был ангелом Константину, первому императору христиан». Великий император в предостережение своим наследникам приказал вырезать в храме на престоле проклятие тому, кто осмелится передать это открытие чужеземцам.

– Думаю, мне не стоит тебе говорить, – произнес Иоанн II, изрядно удивленный точностью цитаты, – что в наши дни эти слова звучат столь же насущно, как и в прошлом. Только благодаря греческому огню нам все еще удается сдерживать натиск неисчислимых воинств сарацин на Европу и франкских варваров на наши собственные земли. Однако буду честен с тобой. Очень скоро нашему могуществу может наступить конец.

– Господь не допустит поругания верных своих.

---

[6] Протиктор – младший офицерский чин в византийской армии.

– Я тоже свято верую в это. И от того, насколько успешно справишься ты с делом, порученным ныне, во многом будет зависеть, явит ли Господь милосердие, или же настолько мы прогневили Всевышнего, что в годину тяжкого испытания он безучастно отвернется от нас.

При этих словах дверь тронной залы распахнулась, и в нее, сверкая чешуей доспеха, ворвался кесарь Мануил с обнаженным мечом и щитом в руках.

– Что это означает, сын мой? – Император вздрогнул и метнул гневный взгляд на вооруженного до зубов наследника престола.

– Это я хотел бы знать, что сие означает! – с порога выпалил Мануил Комнин.

Глава 3

Что англичанину бизнес, то французу афера, а нам, русским, – дело житейское.
Народная мудрость толмачей

Горевшие во мраке кельи свечи выхватывали то сложенные в замок руки с длинными нервными пальцами, то изможденное аскезой вдохновенное лицо с горящим взглядом темных, почти агатовых глаз. От зыбкого, раскачиваемого сквозняком пламени очи эти, казалось, сами были наполнены огнем. Впечатление еще более усиливалось напористой, точно горная река, речью настоятеля Клервоской обители.

– Где бы ни была сейчас глава святого Иоанна, она должна быть здесь. Наш мир гибнет. Римский понтифик, точно дитя, упивается новыми игрушками, привезенными ему из-за моря, в то время как христианская церковь поражена симонией[7], блудом и распрями из-за земель, власти и богатства. С его попустительства наша величайшая победа обращается в проклятие для христианского мира.

Доблесть крестоносцев отвоевала у неверных Святую землю, Гроб Господень в наших руках! Но его святейшество больше заботит, сколько драгоценных тканей и благовоний привезут купцы из Триполи, нежели судьба воинства, истекающего кровью в боях с сарацинами. Где обещанная помощь? Сотни рыцарей попусту красуются силой пред своими дамами и ничтожными жонглерами-плясунами, позабыв о своих обетах, точно и не клялись они, получая золотую рыцарскую цепь и честной меч, обнажать клинок в защиту матери нашей, Первоапостольной Римской церкви.

Как садовник отсекает сухие ветки, дабы подарить жизнь и цветение ветвям здоровым, так мы должны взять на себя то, о чем столь неосмотрительно забывает ключарь Святого Петра!

– Но, брат мой, – тихо ответствовал ему аббат Сан-Микеле, – как же мы сделаем это?

– Крест Господень станет нам путеводной звездой, уста Предтечи откроют нам путь!

– Но где искать нам эту бесценную святыню? Увы, блаженный старец умер, не открыв нам места, где хранится это сокровище.

– Вряд ли он о том знал. – Бернар Клервоский резко мотнул головой, то ли отгоняя подкрадывающуюся дрему, то ли напрочь отрицая нелепое предположение, что сия тайна могла быть известна простому оруженосцу. – Но если Господь желает, чтобы мы нашли главу Иоанна, он откроет мыслям нашим верное направление.

– Сие было бы чудом.

– Не стоит молить Всевышнего о чуде всякий раз, когда следует лишь немного пораскинуть своим умом. Посуди сам, брат мой. Харальд Хардрада мог взять священную реликвию с собой, когда отправлялся вместе с Тостигом завоевывать Британию, а мог оставить ее на родине.

– Верно, – подтвердил аббат Сан-Микеле.

– В любом случае, она надежно охранялась и не могла попросту затеряться.

– И с этим не поспоришь.

– Если Харальд взял ее с собой, то, вероятнее всего, глава Крестителя попала к его врагу, королю Англии, Гарольду Годвинсону.

– Судя по тому, как далее повернулась его судьба, вряд ли.

---

[7] Симония – продажа церковных должностей.

– Вряд ли, – согласился пламенный ревнитель христианства, – но все же может быть. Вильгельм Завоеватель высадился в Британии так скоро и неожиданно, что у Гарольда могло попросту не оказаться времени, чтобы разобраться с трофеями.

– Да, такое могло случиться.

– Следовательно, после достопамятной битвы при Гастингсе реликвия могла либо оказаться в руках герцога Нормандского, либо остаться у наследников, вернее, наследниц короля Гарольда. Если она и впрямь очутилась у Вильгельма Завоевателя, то надо сказать, что обретение святыни ничем не было ознаменовано. Она не была помещена в храм, да и, судя по всему дальнейшему бесчинству, творящемуся в английском королевстве, благодать Господня не пребывает над властителями его.

Отец-настоятель молча кивнул. Происходившее на берегах Туманного Альбиона действительно наводило на мысль о том, что, умирая, король Гарольд и впрямь, как о том шептались, успел проклясть своих врагов.

До конца дней захвативший трон Вильгельм Нормандский не ведал покоя. Сменивший его на троне Вильгельм Рыжий погиб на охоте при весьма странных обстоятельствах, по слухам, наткнувшись на собственную стрелу. Оставив распластанное тело лежать посреди леса, младший брат короля, Генрих, умчался в Лондон и, приставив меч к горлу лорда-канцлера, без лишних слов заставил того отдать печать и ключи от казны. По закону права на трон перешли к старшему из братьев, герцогу Роберту Нормандскому, но тот был далеко, в крестовом походе, и Генрих решил не смущаться такой малостью, как закон. Вернувшись, брат попробовал было отнять положенное ему по праву, но герою-крестоносцу на этот раз не повезло. Его войско было разбито, и сам он влачил свои дни в «братской» темнице. На этом список бесчинств короля-самозванца не завершился. Чего стоит только женитьба на монашенке, едва ли не силой увезенной из монастыря!

Нет, положительно, святыня не могла оказаться в столь злодейских руках.

– Конечно, трофеем мог завладеть кто-нибудь из баронов, но и тогда скорее всего мы бы об этом уже знали.

Аббат Сан-Микеле утвердительно кивнул.

– Стало быть, вероятней другое. Святыня покинула те места, где наличествуют наши глаза и уши. Я спрашиваю себя, могла ли она сделать это? И с грустью отвечаю – могла. Дочь короля Гарольда, именуемая Гитой, была спасена и после скитаний оказалась при дворе короля свеев. – Бернар Клервоский остановился, обдумывая, верен ли ход его рассуждений. – Да, именно так. Супругой короля свеев в те годы была Элисиаф, или же, по-иному, Елизавета, вдова Харальда Хардрады. Таким образом, две ветви наших размышлений здесь сходятся в одну: осталась ли голова Крестителя у вдовы, или же ее заполучила дочь короля Гарольда, реликвия была там!

– Быть может, у свеев она и нынче? – предположил его собеседник.

– Нет, – покачал головой Бернар, – оттуда она ушла, и я могу сказать куда.

– Куда же? – зачарованно поинтересовался аббат.

– Королева Елизавета позаботилась о судьбе нищей изгнанницы и выдала ее замуж за своего племянника, Владимира Мономаха, нынешнего кесаря рутенов, или, как их еще величают, русов. С тех пор как он женился, его путь к трону и все дальнейшее царствование есть непреложное подтверждение моих предположений. Я почти уверен, что глава Предтечи там.

– Непостижимо! – настоятель Сан-Микеле всплеснул руками. – Воистину нет тайны, глубь которой вы бы не прозрели боговдохновенной мыслью своей!

– Пустое! – резко отмахнулся Бернар. – Пока что все это лишь досужие размышления. Пошлите гонца к де Пайену. Нам весьма срочно понадобится один из его рыцарей, верный сын матери нашей церкви, отважный и разумный, но все же не слишком известный среди прочих воинов христовых. Не следует привлекать к нему лишнее внимание. Он должен быть верен

нашему делу настолько, чтобы без колебаний отправиться в самое гнездо схизматиков, дабы отыскать святыню и, буде на то воля Божья, вернуть ее в руки слуг Господних.

Севаста Никотея готовилась к отъезду. Ее ждала огромная страна, омываемая теплым морем с одной стороны и студеным – с другой. Из этой страны везли прекраснейшие меха, отличный воск и сладчайший мед, но сие было, увы, почти все, что она знала о загадочных северных землях по ту сторону моря. Впрочем, известна была Никотее и еще одна малоприятная для ромейской империи деталь – время от времени из владений, которые она уже числила своими, к стенам Константинополя приплывали неисчислимые воинства, и только благодаря небесному заступничеству удавалось защитить столицу от набега. Но так было в незапамятные времена, когда она еще не стала женой кесаря рутенов. Теперь, дай только срок, все изменится – она еще возьмет свое! Она свяжет воедино владения рода мономашичей и метрополию, как того желает ее дядя, но совсем не тем образом, каким он надеется.

Черноокая Мафраз неслышно появилась в покоях госпожи и, преклонив колена у ее ног, зашептала возбужденной скороговоркой:

– Во дворце толкуют, что убит Алексей Гаврас, племянник дуки Трапезунта и сын могущественного правителя Херсонесской фемы.

– Паж Мануила? – так же чуть слышно произнесла удивленная севаста. Ее наперсница молча кивнула.

Племянница императора закрыла лицо руками так, что со стороны могло показаться, будто она прячет непрошеные слезы. Однако слез не было и в помине. Никотея просто не могла сдержать горькую досаду. Она не сомневалась, кто отправил к праотцам ни в чем не повинного юношу. Тот прибыл в Константинополь чуть более месяца тому назад и еще не успел обзавестись врагами. Во всяком случае, такими, что бы желали его смерти. Конечно же, удар предназначался не ему, а его господину. И конечно же, ударил этот влюбленный дурак Михаил Аргир. Кому, кому, спрашивается, это было нужно? На что он надеялся?! Эти мужчины... Почему Господь, наградив их силой, не позаботился уделить хоть толику ума?

Он что же думает, если ударом кулака валит коня, то и власть Комнинов может сокрушить, взмахнув рукой? Власть нужно не только захватить, но и удержать! А этого с отрядом дворцовой стражи не сделаешь. Он так был нужен здесь, тайно ненавидящий императора и его черномазого сынка! Теперь же из-за своей безмозглой горячности он превращается в обузу, причем в опасную, напитанную ядом обузу. Всякое соприкосновение с кровавым глупцом с этого часа может грозить смертью. Если вдруг его схватят, пыточных дел мастера вытянут, чего это вдруг командир дворцовой стражи решил позабавиться охотой на сына василевса. Конечно, ее не в чем упрекнуть, она – маленькая наивная девочка с большими глазами и нежной, чуть удивленной улыбкой.

Глаза Никотеи тут же распахнулись и губы сами собой приняли заказанное выражение. Но можно не сомневаться: Аргир признается в своей глупой страсти и она будет под подозрением. Нет, это ей ни к чему, особенно сейчас, когда покровительница Ника, расправив крылья, летит, факелом указывая ей путь.

Никотея нашла взглядом икону с ликом девы Марии и перекрестилась. Проведя несколько лет в постах и молитвах, под бдительным надзором белых сестер, она искренне считала себя доброй христианкой, что, впрочем, не мешало ей чтить крылатую Нику Победоносную.

Что ж, Аргир сам виноват. Не стоило ему спешить. Теперь же ей придется тоже поторопиться, чтобы помочь любезному дяде отыскать злоумышленника. Конечно, надо бы тщательно продумать, что она станет говорить василевсу. Но пустое, это она сделает по ходу разговора. Она всегда умела быстро принимать решения.

– Мафраз! – Никотея положила руку на плечо служанки. – Пусть императору передадут, что я срочно прошу его об аудиенции.

– Слушаюсь, моя госпожа. – Персиянка склонила голову и, пятясь, исчезла из покоев.

«Так. – Никотея подошла к шахматной доске, выложенной пластинами слоновой кости и эбенового дерева. – Предположим, что командир дворцовой стражи – участник большого заговора. Что он за фигура? Несомненно – слон! Такой же мощный, прямолинейный, не имеющий собственной воли. Теперь остается придумать, кто в этой игре мог бы считаться ферзем и кого прочат в императоры».

...Колокола звенят над градом Киевом, меда льются вековые, а от запаха яств кружится голова и у сытого. Нынче в княжьем тереме государь Руси Всевеликой Владимир Мономах празднует славную победу богатырей-сынов над степными ордами...

Пиршественные столы ломились от уставлявшей их снеди. Лебеди с золочеными клювами в блистающих коронах плыли на серебряных блюдах по шитым диковинными цветами скатертям. Кабаны чинно возлежали на огромных тарелях, держа в пасти наливное яблочко. Осетры тянулись вдоль столешниц так, что начни величать гостя, идучи ему навстречу от рыбьей головы, так к хвосту, пожалуй что, только и закончишь.

По обе руки от Великого князя сидели честные мужи, славные витязи земли Русской, Мстислав Владимирович да Святослав Владимирович. Ликом они едины, ростом сходны и статью неотличимы. На каждого глянешь – залюбуешься, а на двоих-то – и подавно бы любоваться, когда б не дружины их, а в них – бояре да нарочитые мужи, и каждый силой и славой готов с любым тягаться, а уж тем паче со всяким, кто по ту сторону стола.

– ...Вот, стало быть, повел я рать к Саркелу, а там, как ты, отец, и молвил, пустехонько, бабы да старики. Мы, не мешкая, в плавнях схоронились, а чуть свет – глянь, пыль по степи до неба поднялась. Хан Буняк из набега на ясов ворочается. С ним полон и всякого добра несчитано-немеряно. Тут мы им на кичку-то сарынью и упали. Сколько от мечей наших полегло – и не счесть. А от стрел да копий – и того более... – осушая медвяную чашу, вещал Мстислав Владимирович.

– Эка невидаль! – хмыкнул брат его, Святослав. – Сонному хану кровь пустили да рухляди ясской возы умыкнули. То ли дело мы! Под самую Шарукань половцев гоняли, на Змиевых Валах головы им рубили, чтоб неповадно впредь им было в землях наших озоровать. Шургай-хан двух сынов выдал нам в полон да кровью их поклялся впредь рубежа, ему начертанного, не преступать. Все, батюшка, так сложилось, как ты сказал. – Святослав поднял чеканный кубок. – Здрав будь многие лета!

Владимир Мономах важным кивком ответил на заздравную речь сына. Победы не радовали его. Уж сколько раз сам он возвращался домой под этакий колокольный звон, сколько раз мудрый совет его помогал одолеть любого ворога, откуда б тот ни появился. И братья, и сыновья его нынче ходили в любимцах у провидения, да только, того гляди, великой ценой придется заплатить за нынешние пиры да полоны.

– Эк ты молвил, братец, – насупился Мстислав, – сущую нелепицу сболтнул! У Буняка-то войско небось вдвое было, не то что у Шуграйки плюгавого!

– Цыть! – рявкнул, поднимаясь из-за стола, Владимир Мономах. – По что, сыны мои, из края в край славные, петухами друг на друга скачете, по что волками зыркаете?! Выкиньте дурь из голов! Ступайте за мной! Слово вам желаю молвить.

Иоанн II, наследник цезарей, с угрюмым напряжением глядел на сына. «Если бы это был заговор и он желал убить меня, то вряд ли бы сейчас остановился посреди тронного зала. Здесь важно все сделать быстро, пока самого не проняла жуть от содеянного. Остановился – значит робеет, сам не ведает, что предпринять дальше. Тогда зачем этот маскарад?!»

– Что беспокоит моего сына и наследника? – наконец веско проговорил он, увещевающее качая головой. – Враг у стен Константинополя?

– Я тревожусь за свою жизнь, отец! – запальчиво бросил молодой Комнин. – Меня хотят убить. Даже здесь, во дворце, я не чувствую себя в безопасности.

– И поэтому ты пришел сюда в доспехах, точно собираясь идти в бой?

– Да, мой отец и государь. Кроме того, я привел сотню букелариев[8] и впредь намерен везде ходить с ними.

– Это прискорбно, – качая головой, вздохнул Иоанн II Комнин. – Всякому известно, что василевс ромеев и его наследник – желанный трофей для великого множества злодеев. Мы окружены врагами, мой дорогой сын, этого, увы, не изменишь. Но даже в таком случае следует помнить, что кесарь, повсюду шествующий за стеной телохранителей, вызывает лишь насмешки и подозрение в трусости. Государь может быть убит, если такова судьба и воля Господа, но он не имеет права давать своим подданным основания для презрения. Поведай мне, что случилось. Я полагаю, мы сможем разобраться в твоей беде.

– Сегодня ночью был убит Алексей Гаврас.

– Сын архонта[9] Херсонесской фемы? – Лицо василевса помрачнело. – Это очень скверно.

– Отец, погоди! Ну при чем здесь его родство?! – снова взорвался Мануил. – Алексей был назначен мне в пажи. Я велел ему отвести перековать коня. Уверен, что в темноте убийца принял его за меня. Он, должно быть, отлично знал и эти места, и то, как все проходит обычно на Сладких водах. Он просто не мог предположить, что кто-то станет возвращаться ночью в город.

– Конечно, – согласно кивнул император, – ворота закрыты.

– Кузни есть и по эту сторону ворот.

«Он начал опускаться до мелочей, – удовлетворенно подумал император, – стало быть, главная опасность уже позади».

– Да, это так.

– Убийца пытался утаить следы, он пробил горло бедного юноши клыком дикого вепря. Мы нашли этот клык неподалеку.

– Стало быть, душегуб был неопытен, иначе вряд ли он бы бросил свое оружие на месте преступления. Быть может, молодой Гаврас не поделил с кем-то одну из местных прелестниц? – Император хлопнул в ладоши, подзывая слугу. – Сообщите Михаилу Аргиру, что я желаю его видеть.

Ксенохийон[10], называвшийся «Золотой рог», располагался почти у самого берега обширной бухты, носившей то же имя. Здесь останавливались паломники, шедшие прикоснуться к гробнице императора Константина по дороге к святым местам далекого Иерусалима. Они были согласны на любые, самые скверные условия проживания, искренне веря, что питание черствыми лепешками и кислым вином, вкупе с прелой соломой вместо постели, несказанно приближают дух пилигрима к горним высям.

Однако кроме убогих странников-землетопов встречались и те, кто, сойдя на берег с корабля, желал вкусно поесть и хорошо выспаться, прежде чем продолжить далекое путешествие. Для таких в странноприимном доме имелись отдельные покои, отгороженные глухой стеной от приюта босоногих пилигримов. Но и здесь в обеденные часы было довольно многолюдно.

---

[8] Букеларий – телохранитель.

[9] Архонт – правитель.

[10] Ксенохийон – странноприимный дом.

Человек, сидевший за столом в углу, казалось, старался не привлекать к себе внимания. И все же благородные посетители «Золотого рога», сами того не замечая, не спешили занимать свободные места рядом с ним. Ни в лице, ни в фигуре его не было ничего особенно грозного. Одежда чиста, хотя и слегка потерта, кинжал у пояса не слишком роскошный – обычное дело для человека, пустившегося в странствия... И все же места рядом с ним пустовали.

От этого человека исходило неуловимое ощущение смертельной опасности. Так излучает угрозу мирно свернувшаяся на камне африканская кобра.

Самого же «смиренного» путника подобные мелочи, казалось, абсолютно не волновали. Он сидел, повернув обветренное лицо к распахнутому окну, и любовался то ли видом бухты, то ли стоящими в ней кораблями, то ли старинными мощными башнями, закрывавшими выход в море. Между ними каждую ночь протягивалась огромная толстенная цепь, делавшая бухту неприступной для кораблей врага и надежно оберегавшая Константинов град от непрошенных гостей.

«Впрочем, – молчаливый посетитель „Золотого рога“ усмехнулся одними уголками губ, – ничто так не способствует падению крепости, как вера в ее неприступность. Поговаривают, что много лет тому назад некий варяг-наемник, в недобрый час приглянувшийся какой-то местной императрице, сбежал отсюда, прихватив пару дромонов с сокровищами и племянницу василевса. И никакая цепь не смогла его удержать!

Разогнав корабль, смельчак попросту въехал на цепь, в тот же миг его люди перетащили груз в носовую часть, так что тот взял да и перевалился через преграду. Второй галере, правда, куда меньше повезло. Она раскололась пополам и пошла на дно».

Мужчина без суеты, но очень быстро повернулся, скорее ощущая спиной, нежели слыша чье-то приближение.

– Не желаете ли реликвии из Святой земли? – скороговоркой затараторил человек в запыленном, пропахшем многодневным потом одеянии паломника.

– Вот здесь, – он достал мешочек, – горсть земли с Голгофы, а это – кусочек мозаики из дворца царя Ирода. Посмотрите, он до сих пор хранит след крови Предтечи!

– Давай погляжу. – Нелюдим протянул руку.

– Вот. И вот. – Паломник спешно передал доверчивому простаку свой драгоценный товар. – Сами убедитесь – красное, не оттирается ничем. – Он склонился, чтобы лучше указать легковерному слушателю, куда ему следует направить взор. – У нас новости, – тут же зашептал торговец, забывая о принесенных реликвиях, – ночью убили Алексея Гавраса, его отец – архонт в Херсонесе и Готии, дядя – стратиг и дука Трапезунта. Вряд ли им понравится.

Покупатель молча кивнул, разглядывая плоский зеленый камешек с красным пятном, и наконец чуть слышно произнес:

– Далее.

– Хозяин велел передать, что василевс намерен отправить к русам большое посольство. Кто станет во главе, еще не известно, но одно ясно – Иоанн желает видеть русов союзниками.

– Пусть узнает подробности, – задумчиво потирая сложенными перстами орлиный нос, тихо проговорил благосклонный слушатель. Затем полез в кошель, достал пару серебряных монет и кинул на стол.

– Я беру это.

– Хорошо бы приба... – начал продавец экзотического мусора, но осекся, перехватив устремленный на него взгляд холодных, пронзающих, точно пики, глаз.

Дождавшись, пока осчастливленный монетами пилигрим скроется из виду, немногословный клиент бросил еще один денарий на стол и, оставив недопитый кубок вина, неспешной походкой направился в покои, отведенные для состоятельных господ.

Там его ждали. Стоило нелюдимому посетителю обеденной залы прикрыть за собой дверь, как невысокий круглолицый человек, судя по одежде, куда более достойный этих апар-

таментов, нежели счастливый обладатель баснословной святыни, бросился к нему, не скрывая волнения.

– Ну что?

Вопрошаемый молча кивнул.

– Встреча состоялась? – суетился толстяк.

– Да. Все так, как я и предполагал. Император ищет помощи у русов. Больше ему не у кого.

– Это очень некстати. – Коротышка возбужденно забегал по комнате. – У нас есть свои интересы на том берегу Понта[11]. До той поры, пока Венеции не удастся прекратить регулярный подвоз зерна из Херсонеса, ромеев не сломить.

– Я знаю. Но до этого еще далеко. Мой человек принес хорошую новость. И не будь я Анджело Майорано, если у василевса из его чертовой затеи что-то выйдет.

– Ты, что же, намерен захватить корабль с посольством? – Всплеснул руками тайный агент воспетой поэтами жемчужины Адриатики.

– Зачем же? На то есть наши друзья сицилийцы и наши враги турки. Пусть они займутся охотой. А я займусь добычей. Передай дожу, что Венеция может ни о чем не беспокоиться, союзу между ромеями и рутенами не бывать. Это обойдется вам в тысячу ливров, но, полагаю, оно того стоит.

– О, конечно, дон Анджело, несомненно!

– Вот и прекрасно. По рукам.

[11] Понт Эвксинский – Черное море.

Глава 4

Саперы ходят медленно, но обгонять их не стоит.
И. Старинов

Шедший перед Владимиром Мономахом палатничий распахнул дверь в княжью светлицу и отпрянул в сторону, дабы не затруднять проход государя и его сыновей.

– Здесь постой, – мрачно кинул верному слуге Мономах, решительно переступая порог, – погляди, чтоб никто не приближался.

Княжий тиун молча поклонился и встал у самой лестницы, скрестив на груди руки. Пожилой властитель Киевской Руси быстрой, упругой походкой воина прошел через комнату, перекрестился на образа и опустился в резное кресло с вызолоченными подлокотниками.

– Ну, что скажете, сыны мои старшие? Вновь свару затеяли?

– Бес попутал, батюшка, – понурив голову, вздохнул Мстислав.

– Да речи ж – тьфу! – попытался было оправдаться другой. – Язык – он что помело, а так я за брата кому хошь кровь пущу!

– Ишь ты, пущала выискался, – гневно скривился Владимир Мономах, – хороши вояки.

Статные бородачи-витязи слитно вздохнули, опасаясь поднимать не раз глядевшие в лицо погибели глаза на крутого в гневе отца.

– Ладно уж, – грозный правитель русов махнул рукой, – не до пьяной брехни сейчас, не за тем я вас звал, чтоб за глупое ребячество хворостиною стебать. Слушайте да на ус мотайте, ибо от того, что ныне услышите, многие жизни зависеть будут.

– Внемлем тебе, батюшка, со всей покорностью, – поклонился Мстислав, и брат вторил ему.

Владимир Мономах еще немного помолчал, подбирая слова.

– Стоит ли сказывать вам, что лет мне уже немало. Сколько еще проживу, одному Богу ведомо, а только силы уже, чую, не те, что прежде были.

– Отец!.. – встрепенулся было Святослав.

– Молчи, суеслов! – рявкнул на него Великий князь. – Не перебивай, когда о деле глаголю! – Он сделал паузу, пристально глядя на потупивших глаза витязей, точно примериваясь, можно ли поведать им сокровенную тайну. – Скажите мне, дети мои, было ли когда такое, чтобы я кому что обещал да слова не исполнил?

– Не было! – в один голос ответили братья.

– То-то ж, – вздохнул Мономах, – не было такого. Да вот беда какая, есть за мною провина тяжкая, и гнетет она меня хуже злой лихоманки. Чую, коли помру я, той вины не избыв, гореть мне в пекле адовом.

– Только скажи, батюшка... – начал Мстислав.

– Лишь слово молви! – подтвердил его брат.

– Много лет тому назад, в годы молодые свела меня судьба с Гитой, матерью вашей. Она тогда из царства своего бежала. Отца ее, короля бриттов, супостат злой убил, земли и дома захватил. Но, благодарение небесам и тетке моей, Елизавете, королеве свеев, приютила она беглянку и за меня просватала. А та пред самым венчанием и говорит мне: «Пойду за тебя, коль обещаешь земли мои у ворогов отнять». – Великий князь остановился, переводя дух. – Я ей слово дал. А затем вот все как-то случая не представлялось. Все как-то недосуг было – то половцы нагрянут, то в стране недород, то крепости строить надо. Так матушка ваша и померла, обещанного не дождавшись.

Вот и вышло, что невольно или вольно, а клятвопреступление на мне. Желаю я нынче, чтоб один из вас – хотите – жребий мечите, хотите – своею волей идите – отправился за море и, как здесь грудью стоял за отчие земли, так в дальнем краю мечом воротил земли матерные.

Братья переглянулись.

– Не дайте помереть запятнанным. Мечту имею еще до смерти узреть победу вашу. А там и Богу душу отдать легко.

– Я пойду! – поспешно бросил Святослав, всегда норовивший обойти брата, имевшего от роду чуток больше минут, нежели он сам.

– Мне идти, – расправил плечи Мстислав, – что тут гадать.

– Мечите жребий, буяны, – обреченно махнул рукой Владимир.

Василевс ромеев изучающе поглядел на сына. Тот привычно сник под взглядом отца. Казалось, весь его боевой запал ушел в громогласные крики с порога. Иоанн II величаво поднялся с трона и неспешно подошел к Мануилу.

– В тебе говорит человек, – приближаясь к вооруженному с ног до головы кесарю почти вплотную, негромко, с нескрываемой жалостью проговорил император. – Это всегда страшно, когда тебя пытаются убить. И когда убивают кого-то из близких – тоже страшно. Но тебе следует научиться побеждать этот страх. Знать, что он есть, и побеждать. Ты – мой наследник, ты – наместник Бога в этой юдоли слез. И если ты будешь рассуждать и действовать как обычный испуганный смертный, обол цена тебе как правителю и беда державе от такого государя!

Ты кричишь, что какой-то негодяй убил твоего пажа. Тысячи людей гибнут каждый день без всякой вины – такова непреложная истина. Смерть, увы, лишь часть жизни.

Я же слышу в брошенных тобою словах совсем иное. Мертв Алексей Гаврас, юноша, происходящий из рода столь могущественного, что ему вполне под силу противостоять императорской армии. Наверняка и отец мальчика, и его дядя будут возмущены нелепой смертью отрока и заподозрят в ней умысел с нашей стороны. Империи сейчас меньше всего нужно ссориться как с владыками Трапезунта, так и с правителями Херсонеса и Готии. Вот что слышу я. И ты, мой сын, тоже обязан слышать это.

– Но ведь убийца покушался на меня... – потерянно, без прежнего запала напомнил Мануил.

– Ты жив, хвала Господу, и это главное! А Алексей Гаврас мертв, и сие более чем прискорбно, – отрезал Иоанн II. – Теперь же ступай и переоденься. Стены Константинова града еще не штурмуют. Ты должен выглядеть как кесарь и достойный сын императора. А так, – Комнин смерил оценивающим взглядом отпрыска, – ты просто смешон. И помни, Мануил, затверди накрепко – мы окружены врагами. Кто бы ни убил несчастного мальчишку – заговорщики, венецианцы, сицилийцы, турки, персы, да хоть бы и крестоносцы-франки, по сути, все едино, – они попали в цель. Не мни себя центром мира, если хочешь таковым быть. Ступай. – Государь резко повернулся спиной к сыну, давая понять, что аудиенция окончена.

– Мой государь, вы желали меня видеть? – В дверях залы у колонны стоял начальник дворцовой стражи.

– Да, Михаил, – кивнул Василевс, – ты уже слышал, что произошло близ Сладких вод?

– Не только слышал, но и уже побывал там, мой повелитель.

– Вот даже как?

– Убийство сына архонта немало встревожило меня. Похоже, кто-то старается оторвать Херсонес от Византии. Подозреваю, что это – венецианцы, а может – сицилийцы.

– На чем же основана твоя уверенность? – заинтересованно поглядел на него Иоанн II.

– Увы, это не уверенность, а лишь предположение. – Михаил Аргир расстегнул поясную суму и достал небольшой клочок ткани. – Вот, это я нашел поблизости от места убийства.

Василевс принял из рук воина ничем не примечательный лоскут шерстяной материи.

– Очень похоже, – Аргир пустился в объяснения, что это кусок дорожного плаща из тех, которые продают в Венеции. – Сами видите, шерсть некрашеная, руно такого оттенка получают только в Далмации. Оттуда его поставляют в земли дожа.

– То есть, выходит, покушались не на Мануила?

– Вряд ли бы наши враги пошли на такое опасное дело в одиночку.

– Там, что же, был один человек?

– Как вы знаете, государь, я опытный охотник. Я обшарил в округе весь лес и полагаю, что могу утверждать: там был один человек. Потом, конечно, появилось много следов. Но, похоже, мне удалось найти место, откуда убийца следил за тропой.

– Все это очень несвоевременно. – Император сжал пальцами виски. – Враг бьет в самое больное место.

– Мой государь! – Михаил Аргир шагнул вперед, вновь разводя плечи и выпячивая грудь. – Позвольте мне отправиться с посольством в Херсонес, дабы я мог лично растолковать отцу несчастного Алексея козни врагов империи. Мы были с ним близко знакомы в годы недавней войны с половцами. Полагаю, он услышит мои слова.

– Да, пожалуй, – печально кивнул Иоанн II, – нынче же логофет дрома впишет тебя в состав посольства. Твои преданность и доблесть мне известны. Моя племянница, Никотея, отправляется в Херсонес, дабы навестить архонта, ведь по второй супруге он ей тоже дядя. Ты будешь сопровождать юную Комнину. Отбери надежных людей для охраны севасты. Обо всем остальном Иоанн Аксух расскажет тебе лично.

Никотея спешила, насколько позволяло ее высокое положение. Она двигалась по коридору в сопровождении пары дворцовых стражников и дежурного офицера палатинов.

«Что же сказать, – думала она, – быть может, представить все так, что молодой Гаврас был влюблен в меня, а Михаил Аргир взревновал? Тогда получается, что я оказывала благосклонность и тому и другому. Нет, этого допустить нельзя. Навет – словно пятна на леопардовой шкуре – не отмоешь. Значит, надо говорить, что Аргир предлагал мне стать его женой, обещая власть и богатство и говоря, что его ожидает великое будущее. Я полагала, что речь идет о его доблести, а он собирался убить Мануила и свергнуть императора. – Никотея вдруг невольно улыбнулась. – По сути ведь это правда. Как столь простое объяснение сразу не пришло мне в голову?!»

Стража у дверей тронного зала развернула древки копий, готовясь пропустить севасту, однако не успела та сделать и трех шагов, как навстречу ей, рдея едва заметным на смуглом лице румянцем, выскочил Мануил Комнин, а за ним твердой поступью вышел и топотирит палатинов. Увидев любимого начальника, дворцовые стражники вскинули руки в приветственном жесте, но тот лишь едва ответил им кивком головы.

– Государь назначил меня в посольство, преславная севаста, – кланяясь племяннице императора, проговорил Михаил Аргир. – Мне велено сопровождать вас.

Никотея с достоинством ответила на поклон и прошествовала в залу мимо замершей у дверей стражи.

В белой башне над Темзой было холодно и сыро. Ветер, надувавший паруса кораблей, то и дело отвлекался от порученной ему ответственной работы и норовил ворваться в господствующую над болотистой равниной крепость. Твердыня, построенная Вильгельмом Завоевателем на руинах старого римского укрепления, должна была утверждать власть норманнов над Британией. Подобно замершему над водой исполинскому троллю, башня подозрительно оглядывала земли бриттов сощуренными зрачками бойниц, опасаясь, что стоит лишь на миг забыть о бдительности и коварные дети лесистых холмов и непролазных топей нанесут удар в спину.

Впрочем, надо отдать должное Вильгельму – бастард, прозванный в этих краях Завоевателем, редко ошибался в оценке положения дел. И в этот раз он тоже был прав.

– Фитц-Алан! – громом прокатилось по залу. – Чертов мошенник, где тебя носит? Почему ты еще не здесь, когда я тебя зову?

Король Англии Генрих I Боклерк ворвался в собственные апартаменты с такой яростной мощью, будто ожидал, что ему будут противостоять не менее дюжины хорошо вооруженных противников.

Конечно же, никто не посмел даже подумать загородить дорогу государю. Даже стража, дежурившая у входа в залу, поспешила слиться с укромными каменными нишами, опасаясь лишний раз попадаться на глаза неистовому монарху.

– Дьяволовы рога! Где ты, Фитц-Алан?

– Я здесь, мой лорд. – Невысокий человек в охотничьем костюме с длинным кинжалом у пояса и выбритой тонзурой на макушке тихо возник чуть сбоку и сзади буйного, по обыкновению, короля.

– У, поганая морда! Где тебя носит? Ладно, молчи, не желаю слышать твой дурацкий лепет! Бери пергамент, перо и чернильницу. Мне доложили, что мой любезный зять император Генрих V больше не воюет с королем Франции. Это как, я спрашиваю, понимать?

– Вам доложили правду, мой лорд.

– Из этой правды можешь сшить себе штаны! Проклятие! Где перо и пергамент? Почему ты до сих пор не пишешь? Пусть этот проклятый недоумок, император, воюет дальше. Пока я здесь, – Генрих яростно топнул ногой, – не сверну бестолковые головы этим чертовым баронам, я не могу воевать с королем в Нормандии. Пусть император продолжает сражаться! – Генрих Английский сжал кулаки. – Все равно он больше ни на что не годен.

– Это невозможно, мой лорд.

– Как так невозможно?! – король Британии упер руки в боки. – Да ты с ума сошел!

– Третьего дня император Генрих V предстал пред Господом.

– Не спросившись у меня?.. Стой, что ты сказал? Он что же, помер? Нет, ну каков болван! Постой, я же велел украсть ему доктора, этого сицилийца, как там его бишь, Сальваторе, что ли... Ну, которого Роже д'Отвилль отказался мне продать. Ты же говорил, что его украли.

– Это верно, мой лорд. Но корабли д'Отвилля потопили шнек, на котором лекаря везли в Германию.

Генрих порывисто вдохнул воздух, багровея на глазах.

– Нет, какой наглец, потопить мой корабль!..

– На нем был его лекарь.

– Ну и топил бы своего лекаря, если ему вдруг это взбрело в голову! А если уж он решил его утопить, то мог бы и мне уступить – я давал хорошую цену. Вот разделаюсь с баронами, потом с французами, затем и до него черед дойдет!.. Ну да черт с ними! Если этот хилый полудурок император сдох, то где Матильда, где моя дочь?

– Позволю себе заметить, мой лорд, мне представляется, что нынче она в Германии, оплакивает тело мужа.

– Очень ему это надо! Он и при жизни не больно-то обращал внимания на ее слезы! Отпиши Мод, пусть немедля возвращается домой.

– Но, мой лорд, у нее траур.

– Плевать! Я приму ее и в трауре. Если уж этот хлипкий слизняк не смог дать ладу моей красавице дочери и у них нет... – Генрих остановился и на мгновение развел руки. – Увы, нет наследника, пусть незамедлительно возвращается домой. Напиши ей, что такова моя воля. Хорошо бы, чтоб она заодно прихватила с собой казну. Там ей она все равно больше не понадобится, а здесь еще как пригодится.

– Но, мой лорд, что будут говорить, что будут говорить?!

Генрих прошелся по зале.

– Да кой черт, наверняка что-то будут, раз уж язык болтается. Какое мне дело?! А был бы жив мой покойный зятек, мир праху его, я бы ему уж сказал, чтоб впредь, когда он ставил бы Папу Римского из своих холуев, искал такого, который мог бы замолвить нужное словечко перед Самим! – Он воздел палец к сырому потолку. – А так – ни тебе наследника, ни толку от его царствования. Шумел, пыхтел и – пшик! Так напиши Матильде, что отец ждет ее. Не-за-мед-ли-тель-но! А я пока займусь этими недоумочными баронами.

Вот уже третий день одинокая фигура парящего ангела то погружалась в соленые волны Понта Эвксинского, то выныривала из них и рвалась к небесам. Галера «Сант-Анджело», построенная не так давно в Венеции, порой ходила под флагом святого Марка, но чаще меняла цветные полотнища на мачте так же быстро, как ветреная кокетка нарядные платья. Сейчас над ней хлопал по ветру синий лоскут с гербом вольного города Амальфи. Хозяин корабля Анджело Майорано предпочитал называть свою боевую подругу «Шершнем», однако на борту галеры значилось куда более поэтичное название, данное ей в момент спуска на воду.

Жизнь ее хозяина была наполнена множеством различных поворотов, точно шла под парусом навстречу ветру. Нынче он значился амальфийским купцом, однако успел сражаться на суше и на море под венецианским знаменем, побывать берберийским пиратом, а затем – их грозою, возить крестоносцев в Святую землю, служить ромейскому императору и многое другое, о чем он не слишком любил распространяться. Впрочем, многие вещи попросту не занимали его. Так, пожалуй, он бы затруднился с ответом, к какой из религий принадлежит в данный момент. Во всяком случае, усыпанный алыми гранатами золотой крест на груди не мешал ему повторять в минуты опасности: «Нет Бога, кроме Аллаха!»

Сейчас Анджело Майорано стоял над самой головой купающегося ангела и, кусая ус, всматривался в горизонт. По его расчетам искомый дромон ромеев сейчас должен был находиться где-то недалеко. Если, конечно, нелегкая не отнесла его бог весть куда, скажем, к Трапезунту. Но нет, что за ерунда, не мог император поставить на корабль, везущий посольство, неопытного шкипера. Значит, вожделенный «ковчег» должен быть здесь, совсем рядом!

Анджело продолжал вглядываться в горизонт, когда вдруг спиной почувствовал слабое движение воздуха, обозначавшее приближение зверя, а может, человека. Он моментально повернулся, по ходу дела соображая, улыбнуться ли любезно или не медля выхватить меч. Всякий на корабле знал, что к капитану нельзя подходить со спины, предварительно не окликнув его. Не знали об этом лишь двое. И оба эти простака шли на борту «Шершня» из самой Кесарии и были похожи на тех высокомерных глупцов, которых принято именовать людьми чести.

По сути, капитана смущало лишь одно: чего вдруг рыцарю-крестоносцу и его спутнику, то ли оруженосцу, то ли уж и вовсе менестрелю, отправляться из столь желанной Святой земли невесть куда, в Тавриду? Но в своей жизни он повидал много всякого чудного, сейчас ему хорошо платили, и если уж благородному шевалье пришло в голову за свои монеты полюбоваться землями диких скифов, отчего ж он, Анджело Майорано, должен ему в этом препятствовать.

Губы капитана сложились в улыбку добродушную, почти радостную.

– Из вас бы вышел хороший моряк, господин рыцарь. Сегодня несколько штормит, однако у вас нет и намека на морскую болезнь. Мне доводилось видеть, как ваших собратьев выворачивало за борт при куда меньшей волне.

Рыцарь молча ответил улыбкой на улыбку и чуть склонил голову, благодаря за лестный отзыв.

– *Ну что же ты,* — звучало в этот момент в его голове, – *расскажи ему, какие англичане мореходы, и шо у вестфольдингов так и вообще в желудке противовес, специальный проутивоукакочный... ну, в смысле, противоукачечный! А то мне на такой волне на его ухмыляющу-*

юся рожу смотреть противно. Слушай, шо за бодягу они мешают в свое вино? Это же умом никуда не выносимо! Блин, еще и алхимию толком не изобрели, а уже шо-то намешали...

– *Лис, ну что ты шумишь?* – недовольно отозвался «господин рыцарь» на канале закрытой связи, не размыкая уст.

– *Я же тихо шумлю! И при этом во весь голос выражаю мнение широкой общественности в моем лице!* – не унимался его оруженосец и телохранитель. – *И вообще, если Институт потерял голову, почему искать ее должны именно мы? Было б шо-нибудь серьезное, ну, например, мир спасти, или, как у вас там в Англии водится, пазл из Артурова завещания собрать — это еще куда ни шло. Или куда не шли. А тут — посылать тучу народа искать какую-то голову профессора Доуэля, которой с невнятного перепоя поклонялись тамплиеры... По-моему, это перебор! Мало ли кто кому поклоняется...* – недовольно подытожил оруженосец и неожиданно запел:

Мы поклоняемся мечу
И телевизор выключаем,
Мы поклоняемся мечу,
И черепушку Пикачу
Мы на пиру наполним чаем!..

О, кстати, Вальдар, вот тебе еще одна черепушка!

– *Сомневаюсь, что это то, что нам нужно.*

– *Хорошо,* – с деланной тоской вздохнул его собеседник, – *махну рукой, открою тайну. Есть у нас голова в тамошних местах. Как раз примерно в эту пору в нашем эпосе значится.*

– *Ну-ка, ну-ка.*

– *Но приближаться к ней опасно. Даже тебе не советую.*

– *Говори, не томи.*

– *Она лежит во чистом поле и дует в ус. Причем, надо сказать, мощно дует – все поле уже усеяла мертвыми костями.*

– *Это, что же, ты мне «Руслана и Людмилу», как это у вас говорят, втюхать пытаешься?*

– *А тебе уже и Пушкин чем-то не угодил? Вы, кажется, с ним в последний раз вполне мирно расстались. Так и не стали стрелять друг в друга.*

– *Нет,* – опираясь на фальшборт и глядя в море, безапелляционно ответствовал рыцарь, – *это не та голова! Во-первых, она слишком большая, во-вторых, слова путного от нее не добьешься.*

– *А может, она в Чернобыле лежит. Это как раз недалеко от Киева.*

– *Плохая шутка.*

Лис вздохнул.

– *Согласен. Ладно, есть еще один кандидат. Голова, разговаривает, очень дельная. Повесть о ней в нашем эпосе еще до царя Панька значилась. В общем так, голова на дизтопливе, ну это, в смысле, солярная*[12]*, движется по маршруту очень и очень показательному. Сначала она попадает к предвестнику несчастий и силой ума побеждает его. Потом ее заносит буквально в лапы посланцу смерти. И шо б ты думал? Посланец сам был послан! Тогда на сцену выходит сам повелитель темных сил, хозяин черного леса, верхних мхов и всех малин. Прямо скажем, ему тоже везет не больше.*

– *Ну-ну, и что было дальше?*

[12] Солярный – солнечный.

– А вот дальше – самое главное. Дальше наш солярный знак встречается с нашим же славянским воплощением мудрости. Здесь в Византии она именуется Софья, и это, как мы помним, расшифровка мистического названия тамплиерской главы Бафомет...

– Я знаю это, сам тебе говорил. Не тяни!

– Знак солярной головы поглощается мудростью.

– И что?

– Ну-у... съела она его.

– Кого?

– Как это кого? – Голос Лиса был полон искреннего недоумения. – *Колобка, естественно.*

– Да ну тебя, – возмутился рыцарь, – *я же серьезно!*

– А мистический смысл?!

– Какой еще мистический смысл?

– Ну как, сколько солнечную силу с мудростью не сочетай, все равно в результате дерьмо получится.

– Лис, отбой связи.

– Вот, не дают на истину глаза открыть...

Оруженосец еще что-то хотел сообщить благородному рыцарю, но тот, словно поправляя медальон на груди, коснулся его руками, и голос в его голове моментально стих.

Честно говоря, институтское задание, которое выполняла в этом мире его оперативная группа, несколько обескураживало. Предположение, что здесь по неведомой причине действует нечто вроде стационарного агентурного пункта какой-то высшей цивилизации, базировалось на основаниях довольно шатких и все же трудно опровержимых.

Проскользнувшая в одном из отчетов информация о некоей отсеченной голове, дающей заполучившим ее счастливцам весьма ценные советы, имела несколько пусть косвенных, но все же подтверждений и больше не могла быть списана на досужие байки.

Что же за этим крылось? Магия, какой-то интерактивный компьютер, связанный с неведомой базой или же вовсе неизвестная форма жизни – пока оставалось лишь гадать. Чем подобная «служба добрых советов» могла грозить данному сопределу?.. Об этом даже и говорить было преждевременно. Настораживало другое. Легенды о говорящих головах имелись и в собственной мифологии так называемого мира номер один. А этот след мог вести и вовсе уж бог весть куда.

– Проклятие! – раздался совсем рядом возбужденный голос капитана. – Видите зарево на горизонте? Впереди бой!

Глава 5

Наш орден есть рука помощи, милостиво протянутая утратившим веру. И только по воле Господа эта рука сжата в кулак.
Святой Доминик

Смиренный монах в некрашеном белом одеянии едва слышно кашлянул, привлекая внимание настоятеля Клервоской обители.

– Прибыл брат Гондемар, – негромко произнес он и умолк, дожидаясь распоряжений и перебирая увесистые костяные четки.

– Зови, – столь же кратко ответствовал аббат, вставая из-за грубо сколоченного стола и прижимая глиняной светильней исписанный пергамент. Брат Гондемар, отправленный в Святую землю с посланием к Гуго де Пайену, отсутствовал чуть более месяца. Но, судя по скорости возвращения, Господь был благосклонен к замыслам святых братьев и даровал хорошую погоду, удачную дорогу и попутный ветер. Бернар сцепил свои длинные тонкие пальцы и, подойдя к висевшему на стене распятию, чуть слышно зашептал: «Аве Мария гратия плена...» В минуты волнения молитва наполняла его особым чувством небесной радости и просветления, точно он парил над миром смертных меж облаков и сонмов ангелов, взирая сверху на него.

За этим молением и застал его брат Гондемар. Он едва не валился с ног, ибо со всей истовостью преданного слуги Господнего в прошедшие недели выполнял завет настоятеля – не знать отдыха, доколе не будет выполнено порученное ему дело.

– Приветствую тебя, преподобный отче, – едва шевеля потрескавшимися губами, проговорил монах.

– Мир тебе, любезный брат, – завершая молитву, кивнул Бернар. – Какие вести ты привез из Святой земли?

– Шевалье де Пайен просил тебя не оставлять в молитвах его и смиренных воителей Божьих, неуклонно стоящих за святое дело пред лицом злокозненных язычников и отступников, алчущих гибели праведникам. Кто бы ни были эти мерзавцы, сарацины или же франкские бароны, позабывшие о вере и погрязшие в преступной роскоши, – да расточатся они пред именем Господа! Не оставь же бедных рыцарей христовых в час испытаний, ибо неисчислимо воинство прислужников врага рода человеческого.

– Да, несомненно. – Бернар Клервоский вернулся к столу. – Но скажи, он сделал то, о чем я просил?

– О да, едва узнав твою волю, он незамедлительно отрядил некоего рыцаря, недавно примкнувшего к его отряду.

– Ты видел его?

– Да, – брат Гондемар склонил голову, – это дворянин из Пикардии, Вальтарэ Камдель. Его роду принадлежит замок Вержен. По утверждению де Пайена, он – верный сын матери нашей, Римской церкви и, как я мог убедиться воочию, прекрасный воин. Кроме того, он необыкновенно сведущ в языках, что особо ценно в нашем случае.

– Это верно, – подтвердил настоятель обители. – Будем уповать на милость небес и на то, что сей рыцарь не только ловок с мечом, но и достаточно умен, чтобы не оплошать во всем прочем.

– По слухам, приходящим в Святую землю от киликийцев, русы сейчас готовятся к большой войне и потому рады принять в свои ряды всякого, кто пожелает сражаться и умеет это делать. Вряд ли намерение шевалье де Вержена поступить к ним на службу вызовет какие-либо опасения.

– Русы... – задумчиво проговорил Бернар Клервоский. – Послушай, что пишет мне о них епископ краковский Матфей. – Аббат отошел к столу и взял один из свитков, затем развернул его и пристроился рядом со светильней.

«...Народ же тот русский множеству ли бесчисленному, небу ли звездному подобный, и правила веры православной и религии истинной установления не блюдет... Христа лишь по имени признает, делами же совершенно отрицает. Не желает упомянутый народ ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным. Но, отличный от той и от другой, таинства ни одной из них не разделяет».

Вот так-то, любезный брат! Даже среди нечестивых схизматиков-ромеев сей народ слывет еретиками, и было бы верным не убеждать заблудших вернуться на путь истинный, но принести в те края слово Писания так, будто оного никогда и не ведали на Руси.

Епископ Матфей заверяет меня, что люди, верные ему, а стало быть и нам, имеются даже при дворе короля русов. Ясное дело, они ничем не выдают себя, но в случае необходимости через них можно будет передавать волю нашему рыцарю и получать вести от него. Господи! – Бернар повернулся к распятию. – Вразуми страждущего твоего, для чего попущением своим дал ты еретикам высший знак благоволения?! Я не ропщу, Господи, но сердце мое полно муки мученической! Да будет воля твоя даровать нам победу! Да святится творимое во имя Твое! Да расточатся врази Твои...

– Увы, благочестивый отче, даже если люди епископа Матфея со всей возможной скоростью и рвением будут выполнять свое дело, путь из Кракова сюда, а отсюда на Русь столь долог и труден, что вести, если они дойдут, успеют состариться и станут лишь причиной для пустой молвы.

– Это так. – Бернар не спеша свернул пергамент. – Но для скорых вестей есть Божьи птицы – голуби. Однако им не под силу решать и вершить суд. Такое право дано лишь человеку, возлюбленному чаду Господа нашего. А потому, брат мой, завтра утром ты отправишься в Краков.

Я напишу преосвященному Матфею. Руководи сим рыцарем, как сам он руководит своим мечом, и помни, дражайший мой брат во Христе, когда над истинной церковью занесено оружие инаковерия, следует уничтожить противника, дабы самому не быть уничтоженным. А потому не забывай, что, хотя крест и меч сходны по форме, у меча все же несколько иное назначение.

Зарево на горизонте становилось все явственней, но теперь кроме отсветов пламени до экипажа галеры ветер доносил звуки битвы.

– Море горит, – себе под нос пробормотал Анджело Майорано, вытаскивая из ножен широкий восточный меч, весьма удобный для абордажной схватки. – В рог не трубить. Подготовить баллисту. Поднять флаг Юсуф-паши. – На губах капитана сама собой возникла хищная ухмылка, которую, впрочем, можно было легко назвать оскалом. – Господин рыцарь, что ж вы не спросите меня, на чьей я стороне?

– Зачем? – не спуская глаз с опаленной линии горизонта, пожал плечами невозмутимый пассажир. – Если вы и впрямь изменник, я убью вас быстрей, чем вы успеете понять, или, ясное дело, сам погибну с честью, как подобает христианскому воину. Если же это лишь уловка для того, чтобы сблизиться с врагом, к чему мне вам мешать?

– Браво! Достойный ответ, – искренне рассмеялся хозяин «Шершня». – Оставлю вас пока в неведении, но отойду подальше – не стоит искушать судьбу.

– Да-да, конечно, не смею вас задерживать.

– Капитан, ну шо, опять? Я говорил тебе – не верь попам! «Рекламная акция, круиз из Кесарии в Херсонес совершенно бесплатно!» Хоть кто там с кем рубится?

– Судя по тому, что горит море, – византийцы.

– Ага, а раз наш ангелок велел покрасить крылья в зеленый цвет, то скорее всего – с турками.

– Вероятно. Пока не видно.

– То-то ж, не видно! Ну, ты на всяк случай уточни у дяди Джо, не его ли это «Гребущую по волнам» османы решили досмотреть.

– Уже. Строго говоря, они еще не османы, а обычные сельджуки...

– Да по мне хоть сельдь, хоть жуки, раз турки, значит, османы! Но, как говорил один хороший человек, к делу, которое я сейчас представляю, это отношения не имеет.

Одна из фелук[13] горела, все глубже погружаясь в воду. Доносившиеся с ее борта крики и мольбы о помощи во всем мире интересовали, вероятно, одного Аллаха, к которому, собственно говоря, и были обращены. Море, подожженное греческим огнем, пылало, затягивая трагическую сцену гибели корабля густым занавесом дыма. Еще три фелуки сельджуков атаковали ромейский дромон с разных сторон, спеша яростным натиском сокрушить холодную стойкость защитников.

В первое же мгновение, когда волки Эвксинского Понта ринулись в атаку на императорский дромон, было ясно, что абордажа не избежать. Сельджуки не ведали секрета греческого огня, но были отличными мореходами и не в первый раз сталкивались в бою с надменными соседями. Быстро сократив дистанцию, один из турецких кораблей преградил путь ромеям и тут же начал разворачиваться, чтобы заставить врага остановиться и в то же время не получить заряд сифонофора[14].

Последнее ему не удалось. Теперь фелука горела посреди бескрайнего моря, и только воля Аллаха всемогущего могла потушить беспощадный огонь. Но ромеи опоздали. Едва быстроходный дромон сбавил ход, еще две фелуки атаковали его с левого и правого бортов, забрасывая на весла противника «осьминогов» – тяжелые, окованные железными обручами камни со множеством крючьев на цепях.

Дромон попытался развернуться, но не тут-то было. Ломая одни весла и намертво вцепляясь в другие, «осьминоги» якорями пошли на дно, лишая ромеев хода. И в этот миг четвертая фелука, ударив по рулевым веслам, пошла на абордаж, забрасывая мостки на корму дромона. Крик «алла!» повис над волнами, но звон мечей и слитное гудение тетив незамедлительно дали понять, что праздновать легкую победу сегодня не придется.

Варанги, набранные Михаилом Аргиром в свиту севасте Никотее, были превосходными воинами, привыкшими сражаться на раскачивающейся корабельной палубе с не меньшим воодушевлением, нежели на твердой земле. «Руби, руби неверных псов! – яростно ревел командир отряда телохранителей, неистово круша нападающих двуручной секирой. – По золотому за голову!»

– Святой отец, – юная севаста вцепилась в рукав сутаны монаха-василианина, точно проверяя, не прячется ли в нем спасение от нежданной напасти, – что же с нами будет?!

Сейчас ей действительно было страшно. Мысль о том, что вместо трона рутенов она может попасть в какой-нибудь гарем, казалась ей просто невыносимой.

– Молитесь, дочь моя, молитесь истово, ибо сказано: «Кто уверует в Меня, спасется». Господь милостив, – увещевая перепуганную красавицу, негромко твердил Георгий Варнац, с грустью сознавая, что запирающий дверь засов долго не выдержит и кормовую надстройку с двумя девицами ему во время штурма не отстоять. – Все в руке Отца Небесного!

– Вальдар! Сколько еще можно вас ждать? Ты же говорил, что зарево уже видно.

---

[13] Фелука – двухмачтовое парусно-гребное судно, широко применявшееся турецкими пиратами.

[14] Сифонофор – дословно «несущий огонь», агрегат для метания греческого огня, своеобразный огнемет.

– Если бы у этого ангела действительно были крылья! А так – лишь весла да парус. Но скоро, скоро уже будем. Капитан рвется в бой, как гончая по следу. Ага, вот марсовый доложил, что вы уже видны! Мы заходим с кормы.

– Поторопитесь!

– Но откуда же, откуда нам ждать спасения, святой отец? Врагов так много!

– Господь милостив.

– Там корабль! – вдруг закричала притаившаяся у окна с кинжалом в руках Мафраз. Ей, персиянке, встреча с единоверцами-турками тоже не сулила ничего хорошего. В крике девушки слышалась неподдельная радость, тут же сменившаяся крайней степенью разочарования. – О, шайтан! Тоже сельджуки!

– Когда Господу угодно совершить чудо, он и из сельджука сделает христианина, – весомо проговорил Георгий Варнац. – Мужайтесь, госпожа, будем уповать на волю Божью и доблесть наших защитников.

Когда на фелуке, пристроившейся за кормой византийского дромона поняли, что галера, идущая под флагом великого эмирала Юсуф-паши, не думает останавливаться, было уже поздно.

– Амальфи! – заорал Анджело Майорано в тот миг, когда баллиста метнула в турецкий корабль тяжеленный камень, угодивший в самое основание мачты. Вслед за тем окованный бронзой таран проломил борт фелуки, и над «Шершнем» снова взвился голубой флаг с белым крестом. – Аванти анджели ди Дио![15] – выкрикнул гроза берберийских пиратов, впереди абордажной команды бросаясь на кишащую врагом палубу.

Этого крика было достаточно, чтобы на турецких кораблях моментально утратили интерес к и без того яростно обороняющемуся дромону. И немудрено – на всем Магрибском побережье венецианца именовали не иначе, как Мултазим Иблис[16], и старались оказаться подальше от того места, где он искал себе добычу.

Десять лет назад на Средиземноморском побережье от Джебаль-аль-Тарик до Александрии не было пирата более дерзкого, нежели Иблис аль Муруни. Так именовали мусульмане Туниса своего нового единоверца. Но лишь до тех пор, пока король Сицилии Роже II, сын нормандского авантюриста Роджера д'Отвилля, не решил положить конец пиратству на Средиземном море. Тогда-то боевой клич «Божьи ангелы со мной!» и зазвучал приговором для многих доблестных воинов Аллаха. Когда же в обмен на поставку зерна магрибинцы обещали прекратить морской разбой, Мултазим Иблис затосковал и куда-то исчез. Однако ненадолго.

– Божьи ангелы со мной! – неслось над морем, и те несчастные, что еще оставались на палубе фелуки, спешили прыгнуть за борт, надеясь доплыть до покидающих место боя соратников, чтобы хоть так, быть может, спасти обреченную голову.

Король Франции Людовик VI был высок и весьма тучен. Последнее обстоятельство послужило поводом для нелестного прозвища Толстый, хотя из всех демонстрируемых монархом качеств его выдающаяся тучность, пожалуй, была наименее существенной. Даже враги короля, а их было немало, не могли припомнить за Людовиком какого-либо коварства или же нерадения во всем, что касалось величия Франции.

Впрочем, любви к нему вассалам это не прибавляло. С момента восшествия на престол этот правнук Ярослава Мудрого желал необъяснимо странного. Он утверждал, что гордые бароны обязаны повиноваться своему королю, что они не должны захватывать монастырские земли, и, что уж совсем выглядело нелепо, он требовал соблюдения заключенных договоров, как будто заключая договор кто-то собирался его соблюдать!

---

[15] Божьи ангелы со мной! (итал.)

[16] Мултазим Иблис – «мытарь дьявола» (тур.).

Понятное дело, это вызвало бурю возмущения среди благородного рыцарства. И, конечно же, оскорбленные в лучших чувствах бароны схватились за оружие, желая показать королю, кто настоящий господин Франции. Справедливое негодование вассалов Людовика VI поддержал и король Англии, считавший оскорбительным для себя напоминание о том, что герцогство Нормандское, присвоенное им после бесчестного пленения и ослепления брата, тоже является частью французского королевства.

Проигранное сражение при Бренвилле заставило Людовика покинуть Нормандию, однако он не оставил навязчивую идею добиться покорности от мятежных баронов. И потому день ото дня тучный, страдающий одышкой король, не зная устали носился из конца в конец своих владений, расстраивая союзы мятежников, сокрушая их в боях и стирая с лица земли замки, ставшие змеиными гнездами заговорщиков.

Не так давно Людовику VI пришлось скрестить мечи с германским императором, однако на этот раз военное счастье было на его стороне и враг был вытеснен из французских земель с немалыми потерями.

Не утерев пот со лба, Людовик VI снова принялся за непокорных вассалов. И теперь, слушая методичный стук тарана в ворота замка Ле Блош, усталый, почти изнуренный король разглядывал предложенный ему проект огромного храма, который надлежало построить в Париже в знак величия и единства Франции.

Король глядел на тщательно вычерченные башни колоколен, силясь представить себе, как будет выглядеть изображенный здесь храм в реальности посреди острова Сите. Уже четвертые сутки он обходился почти без сна, и потому старания его были, увы, бесплодны. Глаза закрывались сами собой, точно на каждом из них лежало по гробовой плите. А стоило лишь смежить веки, как вместо двух стройных колоколен ему представлялись квадратные башни осажденного замка и льющийся из них на головы его воинов кипящий вар.

– Я жду вашего слова, мой король, – негромко напомнил о себе почтительный архитектор, давно уже наблюдавший непримиримую борьбу монарха с владыкой куда более могущественным, чем он сам.

– Да. – Король мотнул головой, отгоняя наваливающуюся дремоту. – Ну да, конечно. Вы уже говорили об этом проекте с аббатом Сугерием?

– О да, всенепременнейше, мой государь. Его преподобие лично изучил мой проект и признал его достойным вашего августейшего внимания. Более того, вот здесь и здесь нужны древесные стволы определенного качества и размера. Когда его преподобию доложили, что таких деревьев не сыскать, он вызвался самолично найти то, что нужно.

– Он, что же, в лесу? – Людовик VI напрягся, невольно просыпаясь. Мысль о том, что ближайший советник и вдохновитель большинства его побед блуждает где-то в местных буреломных чащах, настолько поразила его, что даже отогнала сон. – Аббат Сугерий помчался в лес разыскивать какие-то деревья в то время, когда он так нужен мне? Ну что же это такое? Есть ли в этой стране хоть кто-нибудь, на кого я могу положиться?!

– Он не один, ваше величество. Он взял стражу и велел им прочесывать местность вместе с собой.

– Место солдат – здесь! У вражеских стен! Как, впрочем, и его преподобия... О Господи! Несчастный король несчастной страны! – Он с шумом выдохнул и начал массировать виски. – Следует немедленно послать за ним.

Приветственные крики, донесшиеся от ворот укрепленного лагеря, свидетельствовали о том, что пожелание короля уже абсолютно излишне. «Сен-Дени!» – несся над стенами радостный клич, однако на этот раз он не звал в жестокую сечу. Аббатом именно этой обители состоял мудрый отец Сугерий.

Насупленный король исподлобья поглядел на входящего в шатер советника.

– Вы заставляете меня волноваться.

– Ничто не страшит истинно верующего, ибо ангелам небесным заповедано охранять его.

– Ангелы... – пробормотал себе под нос Людовик VI, – что б им, скажем, не опуститься на этот замок и не втолковать барону, что для него и его людей было бы лучше открыть ворота? Или уж пусть надоумят вас, как это сделать.

– Будем стойкими, сын мой, и не станем укорять Господа в том, что его помыслы выше наших. К тому же вам грешно роптать.

– Отчего же? Вы нашли нужные для храма деревья и теперь у нас все сложится наилучшим образом?

– Возможно и так, сын мой, возможно и так. У самого лагеря я встретил гонца из Парижа.

– И что же?

– Нам сообщают, что император Генрих, доставлявший вам столько неприятностей в последние месяцы, умер.

– Вот как? – Людовик VI молча прошелся по шатру, не зная, что и сказать от радости. Он воззрился на проект нового собора и наконец после минутной паузы выдавил скорее с удовольствием, чем с приличествующим христианину состраданием:

– Упокой, Господь, душу грешника. Что ж, теперь Генриху Английскому придется умерить свой пыл. Я бы дорого дал, чтобы какая-нибудь лихоманка прибрала и его заодно с зятем!

– Вы злословите, сын мой. Грешно христианину искать смерти другого христианина.

– Я не ищу, я говорю, что было бы хорошо. Впрочем, пусть себе живет, лишь бы года два, а лучше три, он не совал нос во Францию. А там я его уже встречу во всеоружии! Знать бы, что может удержать этого выродка нормандского ублюдка на его проклятом острове.

Аббат Сугерий молча покачал головой, порицая злословие духовного сына, но тот, казалось, не замечал немого упрека.

– Я клянусь, что не пожалею отборных золотых монет, чтобы вот этот самый храм был самым лучшим, самым прекрасным во всем христианском мире, если Господь дарует мне эти годы.

– И Вавилон не устоял пред гневом Всевышнего, – промолвил аббат Сен-Дени. – Нет стен, кои бы не сокрушила воля его.

– Ваше величество! – В шатер вбежал молодой оруженосец в котте, затканной множеством золотых лилий в лазоревом поле. – Замок выбросил белый флаг, они открывают ворота!

– Я бы назвал это знамением, сын мой, – чуть помедлив, негромко подытожил аббат Сугерий.

Гребцы на галерах – неважные лучники. Прицельно стрелять в движущегося противника, много часов перед тем ворочая тяжеленным веслом, и пытаться не стоит. Однако пользоваться ременной пращой упражнения на веслах не мешают. Как по команде град свинцовых шариков обрушился на сарацин, зажатых между щитами варангов и сокрушительным прессом абордажной команды Анджело Майорано. Отряд, который вел за собой этот «мытарь дьявола», был невелик, но каждый его воин знал свое место и стоил по меньшей мере пятерых. Неизменная отвага сельджуков повелевала им держаться до последнего, но ни варанги, ни их «случайные» союзники не собирались отвлекаться, чтобы оценить воинскую доблесть противника.

– *Лево!* – раздалось в голове у Вальдара, и он не глядя выставил щит. В тот же миг чей-то клинок гулко ударил по умбону[17], и рыцарь почувствовал, как остаток импульса этого удара переходит ему в руку. Еще мгновение, и у его ног рухнуло тело с торчащей в горле длинной оперенной стрелой.

– *Спасибо, Лис.*

– *Кушайте, не обляпайтесь. Право!*

[17] Умбон – выпуклая металлическая пластина в центре щита.

Рыцарь резко ушел с линии атаки и торцом щита рубанул по возникшему совсем рядом предплечью с хищным дамасским кинжалом, зажатым в кулаке. Оружие вылетело из руки нападающего и встряло в палубу. Вальдар тут же резко двинул щит вперед, нанося тяжелейший удар в челюсть врага. Ни малейших сомнений в эффективности контратаки у рыцаря не было, и потому, перескочив через растянувшееся на палубе тело, он помчался дальше.

Анджело Майорано сражался один против троих. Сельджуки пытались окружить его, но венецианец уходил от их атак, точно угорь. Казалось, опасность лишь развлекает его, потому он не торопится разделаться с неприятелями. Пробегая мимо, Вальдар рубанул одного из турок. Тот упал, не подавая признаков жизни. Должно быть, это резко снизило интерес Анджело Майорано к происходящему, ибо спустя несколько секунд оба приятеля несчастного сельджука тоже были мертвы.

– Граци[18]! – услышал вслед Камдил, однако для обмена любезностями не было времени. Бой уже кипел на палубе дромона. Отчаяние заставляло сельджуков держаться. Предчувствие скорой победы диктовало ромеям и их союзникам не знать пощады.

– *Назад!*

Рыцарь отпрянул в сторону, и тяжелая двуручная секира врезалась в фальшборт там, где только что находился Вальдар Камдил. Могучего вида ромей держался за древко, пытаясь выдернуть грозное оружие, глубоко встрявшее в деревянный брус.

– *Снять?*

– *Погоди!* Я свой! – закричал рыцарь.

– *Какой ты ему свой, пес, рыцарь хренов?!*

Точно подслушав слова закрытой мыслесвязи, ромей оставил плотно застрявшую секиру, выхватил меч и бросился на рыцаря. Не теряя времени, тот резко ушел в ноги противнику, кромкой щита подбивая ему коленный сгиб. Лис был прав – турки отнюдь не являлись желанными гостями на византийском корабле, но и от крестоносцев ждать добра ромеям тоже не приходилось.

– Остановитесь! – неслось над палубой. – Внемлите мне, дети мои! Вложите оружие в ножны! – Выбравшийся на кормовую надстройку Георгий Варнац вещал оттуда, как с амвона, обращаясь к разъяренной боем пастве. – Остановитесь, ибо враг уже повержен. Не обагряйте руки кровью братьев во Христе!

Слова монаха, которым должно было бы утонуть в звоне оружия, нежданно подействовали, точно ушат холодной воды на голову. С турками и впрямь было покончено. Лишенная экипажа фелука сиротливо качалась на волне у самого борта дромона. Тем немногим из сельджуков, кому посчастливилось пережить бой, суждено было влачить свой век прикованными к веслам. Погибших турок выбрасывали за борт с палубы на корм рыбам, христиан же зашивали в мешки с насыпанными в ногах несколькими фунтами песка из корабельного балласта. Ибо всякое крещеное тело должно быть предано земле. Георгий Варнац негромко читал над убиенными заупокойную молитву, и зашитые в мешки с тихим плеском уходили на дно.

– ...Покойся с миром! – со вздохом завершил монах-василианин.

– Это был капитан дромона, – пафосно, едва ли не со слезой в голосе произнес стоявший рядом Анджело Майорано. – Он погиб в последние минуты боя. Нечестивец ударил его вот этим кинжалом.

При этих словах Вальдар Камдил бросил взгляд на амальфийца, державшего в руках кривой восточный клинок.

– Но раз уж Господу было угодно привести мой корабль сюда в этот час, дабы помочь вам спастись, неужели же я оставлю своих новых собратьев по оружию посреди моря?! Есть ли среди вас кто-либо, сведущий в навигации?

---

[18] «Граци» – «благодарю» (итал.).

Молчание было ответом на громогласный вопрос Анджело Майорано.

– *Лис, у тебя глаза позорче,* – согласно кивая в такт словам бравого капитана проговорил рыцарь на канале связи, – *это случайно не тот самый кинжал, который я выбил у какого-то турка, Аллах ему судья?*

– *Он самый,* – утирая навернувшуюся слезу, подтвердил его оруженосец. – *Я из своего вороньего гнезда видел, как этот херувим его из палубы извлек.*

– Что ж, я не оставлю вас, – между тем вещал Майорано. – Будем идти вместе. Я сам поведу корабль в Херсонес!

Глава 6

Только к врагу можно повернуться спиной, не предвидя неожиданностей.
Чезаре Борджиа

Лес темной стеной поднимался от самого берега Днепра до монастырских строений. Казалось, будто христианская обитель являет собой светлый лик с длинной густой бородой. Первые лучи солнца еще не коснулись золотых куполов, и только ранние птицы, предчувствуя зарю, торопили дневное светило радостным щебетом. Подросток лет двенадцати оттолкнул шестом челн-однодревку от песчаного берега и взялся за короткое широкое весло.

– Тять, а тять, – негромко, словно не желая нарушать державшуюся еще ночную тишь, начал паренек, – а правду ли говорят, будто бы аккурат в этих местах златоусый Перун, коего святый Владимир в Днепр кинул, к берегу прибился?

– Сказывают люди, – не спуская глаз с воды, промолвил его отец. – Ты греби давай, да гляди, чтоб мы вешки не прозевали. Не приведи Господь сеть потерять!

– Тять, а за что князь Перуна в воду кинул?

– Да кто ж его знает? Видать, не помогал ему.

– А иным помогал?

– Иным помогал. А то стали бы они вслед ему бежать да кричать «выдыбай[19], боже, выдыбай».

– А что ж его Бог не покарал-то?

– Ну так вестимо же – Бог милосердый. – Старший из рыбарей перекрестился на уже заметные в светлеющем небе кресты монастыря. – А то, может, и покарал, да мы не ведаем. Отец Амвросий вон сказывал, что дети княжии меж собою посварились так, что и на отца руку подняли, и друг дружку убивать стали. Чем тебе не гнев Божий?

– Ишь ты, – покачал головой мальчонка, пораженный бездной премудрости, уместившейся в голове отца.

– Да-а, – довольный собственной проницательностью, подтвердил тот, – из тех же сыновей и святые Борис с Глебом, в честь коего тебя огольца прозвали. Ну, ты о том отца Амвросия поспрошай, он многими познаниями умудренный, не нам чета.

– Ой, вон сеть, вон! – Мальчишка указал пальцем на маячившие впереди верши.

– Да уж вижу, давай греби правее.

Отец сильным движением погрузил в воду свое весло и... едва не выронил его из рук. Ему почудилось, будто деревянная лопасть ударила обо что-то твердое и упругое. В тот же миг челнок бросило в сторону, и по тихой воде прошла волна, будто от внезапно набежавшего буйного ветра. Затем из воды показалось нечто, изогнувшееся дугой и исчезнувшее в пучине. Более всего нечто походило на спину огромного змия. Потревоженное ударом чудище резко метнулось вперед, насквозь пробило расставленные впереди сети, дважды еще показалось вдали в разбегающихся волнах и исчезло столь же внезапно, сколь и появилось.

– Чур меня, чур! – удерживаясь за перевернутую лодку, в страхе прокричал старший рыбак. – Глебушка, ты как там?

– Здесь я! – жалобно донеслось из кустов. – На берегу уже.

– Как же ты попал туда? – выкрикнул удивленный отец, силясь перевернуть челнок.

– И сам не разберу. Как в воду сверзился, так меня оттель будто выкинуло.

---

[19] Выдыбай – выплывай.

– В недобрый час ты Перуна вспомнил! – Рыбак наконец взобрался в однодревку и, выловив плавающее рядом весло, начал грести к берегу.

– Нечто то сам Перун был? – испуганно поинтересовался малец, когда спустя недолгое время вместе с отцом отогревался у разведенного костра.

– Поди его спроси, – хмуро разглядывая испорченные снасти, бросил рыбарь. – Может, и Перун. А то еще про Волхова слыхал?

– Ага, – зачарованно кивнул малец, – дедко сказывал. У князя Словена, пращура народа тутошнего, сын был, чародей огромадной силы. Так он перекидывался в зверя лютого по прозванию коркодел и многих людей пожирал, а с прочих дань брал. Дедко сказывал, Добрыня Никитич того коркодела порушил.

– Может, порушил, а может, и спугнул только. А то еще, слышь, я когда мальцом вроде тебя был, княжий гридень из варягов мне сказывал, будто змей есть огромен. Он вкруг света в море-окияне лежит, а как ворочается, так подле себя волны поднимает до небес. Вот я и мыслю, коли не он сам то был, так может, из детенышей того змея. Свят, свят, свят!

– С нами крестная сила! – подхватил его сын. – Страшно-то как! И такое ж у нас в Днепре обитает – кому рассказать, не поверят!

– Отцу Амвросию расскажи – он поверит. А другим попусту языком трепать не след. Может статься, и вовсе привиделось нам с перепугу, а то и не змий никакой был, а сом большой. Знаешь, какие сомы порою бывают? И в десять шагов иной раз дорастают.

Мальчонка исподлобья поглядел на отца и мотнул головой.

– Не, тятя, не сом то был.

Отец Амвросий был сведущ в грамоте славянской, ромейской и варяжской, долгие годы жил в Константинополе, исходил Русь вдоль и поперек и за морем бывал не раз, как Хвалынским, так и Варяжским. То ли от безмерного любопытства, коим наделил его Господь, то ли от сознания того, что лет впереди осталось немного, тратить время на сон он полагал делом никчемушным. Когда усталость и дрема смеживали его веки, он укладывался как есть на скамью и торопил призрачные видения уходить прочь, дабы вновь подняться и заняться делом.

На сей раз занятие, порученное записному грамотею самим Великим князем, было столь важным, что отец Амвросий вовсе позабыл об отдыхе и начинал щипать себя за уши и колоть ножом-перочинкой, дабы, как было велено, скоро и точно изложить на выскобленных листах пергамента права великих князей Киевских на дальние заморские земли, именуемые бриттскими. Не единожды престарелый монах снимал с полки тот или иной манускрипт в обтянутом кожей деревянном переплете, разворачивал его и сверял со своими заметками.

«...Было в земле бриттской о ту пору два сильных князя. Один именовался Эдмунд, другой же – Кнут. Хоть и значились они меж собою в дальнем родстве, мира меж ними не было. Кнут был князем чужестранным и в земли бриттские издалека пришел.

Порешили тогда князья меж собою оружною рукой утвердить, кому в той земле единовластно править. Встретились на Оленьем острове[20], и была меж ними сеча великая. Но сколько меж собой они силами ни мерялись, а ни один другого не одолел. И обнялись тогда князья, и отныне стали друг другу братьями названными, и земли бриттские меж собою разделили честь по чести.

А у князя Эдмунда был зять Одрюк[21]. Пожелал он к Кнуту переметнуться и от него земли тестюшки своего во власть поиметь. Подстерег он Эдмунда в Охсфьорде[22], напал со спины и зарубил. Затем, захватив сынов княжих, привез их на двор Кнута и выдал с головой.

---

[20] «Олений остров» – остров Олни на реке Северн.

[21] «Одрюк» – Эдрик.

[22] «Охсфьорд» – Оксфорд.

Опечалился князь Кнут и велел обезглавить бесчестного душегуба. Сыновей же побратима убиенного отправил за море в свои родные земли. Да не взлюбила их злая мачеха Кнутова, оговорила, будто желают сыновья Эдмунда старшого, Эдмунд и Эдвард, Кнута самого жизни лишить и на трон его сесть. И был Кнут вне себя от гнева и повелел, чтоб тайно давали им яд, дабы они никогда не исцелились.

Но один из людей князя пожалел юных княжичей и просил родича своего, ярла Вальгдара, дабы тот отвез их в землю русов, к Великому князю Ярославу Владимировичу.

Великий же князь сей, по всему миру мудростью своей преславный, как в прежние века царь Соломон, с князем Кнутом в родстве был. Сын его Илья Ярославич дочь Кнута Астрид за собою держал. Он все точнехонько вызнал и пенял князю бриттов, что де тот судил не по праву, а по гневу.

Младые же Эдмунд и Эдвард, прозванные Этелингами, что в землях заморских означает «княжичи», остались при дворе Ярославовом, и были они у Великого князя при сердце его, равные с прочими сыновьями. Те же приемному отцу присягнули землями бриттскими и водами на них, и людьми, и всем, что на земле живет и произрастает. Спустя годы Эдвард взял в жены княжну Агафью, племянницу Ярославову. Братья же Этелинги стали меж первых воинов, и к гробу Господнему ходили, и с Андреем Степановичем, князем угров, что на сестрице их сводной, Анастасии Ярославишне женат был, земли его от злых ворогов мечом забирали.

По ту пору князь Кнут помре, и сын его помре. На стол же княжий звали младшего брата убиенного Эдмунда, коий в странах заморских дотоле жил. И стал он править благостно и честно, и прозван был Исповедником. Когда же стал он помышлять о наследнике, то призвал племянника своего Эдварда, а Эдмунд в землях угорских голову сложил, до того с королевишной угорской оженившись.

Так был Эдвард оглашен в землях бриттских Великим князем, был пир и ликования многие. А только злоумышлением чьим-то еда ли, питье князю Эдварду отравлены были, и помре он на другой день по прибытии в муках. Дщери его и малолетний сын, Эдгар, при Великом князе Эдварде Исповеднике за его детей остались. И повелел тот, чтобы Эдгару Великим князем по его смерти бысть. С того часа пятнадцать лет минуло, и помре Эдвард Исповедник. И великий плач стоял по всей земле бриттской.

Эдгар же в ту пору в силу еще не вошел, и править стал князь Гарольд, брат жены Эдварда Исповедника. Дщерь того Гарольда за нашим преславным Великим князем Владимиром Мономахом была и родила сынов ему, из коих Мстислав и Святослав старшие.

Когда же нечестивый ублюдок нормандский, Вильгельм, сын Робера, прозванного Диаволом, приде в землю бриттскую, была меж ним и князем Гарольдом рознь и битва великая, и пал в ней Гарольд от руки нечестивца. В стольном же граде кликнули на княженье младого Эдгара, да иные сильные князья с дружинами своими, озлобясь, что не их на великое княженье призвали, кинули его на растерзание и потекли в свои земли.

Эдгар же попал в руки того Вильгельма, ублюдка, да через два года с матерью и сестрами в соседней земле спасся. Князь той земли на сестре его женился, и стал он за владения свои родовые с Вильгельмом воевать. Да только не судьба ему была. Схватили его недруги, и по сей день он в темнице сырой томится, когда не помер. Дочь же иной сестры его в монастырь пошла, однако же у нечестивого корня нечестивое семя, и нынешний князь бриттский ее из святой обители силою изъял да за себя взял. И нет конца тому бесчестию и имени Божия поруганию.

Но коли братья Этелинги Ярославу, Великому князю нашему присягали, а Эдгар одного из тех братьев сын, то земли бриттские, по Божьему ли, по людскому закону, есть Руси подвластное княжество. Но если и не по Этелингам считать, а по Великому князю Гарольду Годиновичу, то никому иному, как Мономахову корню, сия земля от века принадлежать должна. Ибо стала она приданным за Гитой Гарольдишной, злым супостатом от прямой хозяйки удержанным.

А потому след великою силою идти в земли наши заморские и сокрушить семя злодейское, выкорчевать диаволов корень, ибо сие есть дело правое и богоугодное. Ибо коли Русь нам – земля отчая, то Бриттия, как есть – матерная, и след им быть под единою рукою».

В дверь кельи дробно постучали.

– Отец Амвросий! Там рыбари пришли, те, что всяк день рыбу в обитель приносят. К вам просятся.

– Чего же надо им? – Монах отложил перо и начал разминать уставшие пальцы.

– Говорят, чудо видели дивное. Не то змий в Днепре плескался, не то кокодрил, а только сети изодрал, да, подняв волну, в пучину ушел.

– Далеко то было?

– Сказывают, туточки, у монастыря, под самыми что ни на есть стенами.

– Ишь ты. Что ж, зови.

* * *

Ночь застала дромон уже в той части моря, которую прибрежные жители гордо именовали Русским. Замена весел, ремонт снастей не заняли слишком много времени, как, впрочем, и разграбление доставшейся в качестве трофея фелуки. Да и что там было брать? Анджело Майорано, доверив «Шершня» некоему почтенного вида мореходу из своего экипажа, велел ему держаться рядом, ни в коем случае не теряя дромон из виду. Затем, взяв еще нескольких подручных, перебрался на имперский корабль и твердой рукой повел его к далекому берегу Херсонесской фемы.

Кроме благодетеля-амальфийца на борту дромона остался господин рыцарь с оруженосцем. Анджело Майорано отнюдь не был рад подобному соседству, но его попытки убедить крестоносца вернуться на «Шершень» оказались бесплодными. Абсолютно не к месту красноречивому священнику, сопровождавшему красавицу севасту, пришла в голову мысль порасспросить рыцаря и его спутника о Святой земле и чудесах Востока. И сколько ни кидал на них новоявленный капитан негодующие взгляды, казалось, беседующие попросту не замечали его.

Право же, это было не совсем так. В эту самую минуту в голове благочестивого Георгия Варнаца звучало:

– Нет, ни я, ни Лис не видели, чтоб этот красавец своей рукой зарезал капитана. Но сам посуди – я этот кинжал выбил, а дальше Сергей видел, как Анджело вытащил его из палубы.

– Это еще ничего не значит, – прозвучал ответ, – *он мог его в кого-нибудь метнуть, мог попросту выронить. В конце концов это может быть не тот самый кинжал, а похожий. Сложно ли перепутать в пылу боя?*

– Ты что же, мне не веришь? — возмутился рыцарь.

– Отнюдь нет. Конечно же, твои слова – очень весомый довод, но это всего лишь слова. У нас нет доказательств, и мы ничем не можем припереть Майорано к стенке.

– И потому будем дожидаться, пока он нас к этой самой стенке припрет – у него-то точно найдется чем.

Однако вслух в кормовой надстройке дромона звучало совсем другое.

– ...Между четырьмя этими церквями располагается сад. Крыши над ним нет, стены так и сияют золотом, пол же выложен драгоценными каменьями. Посреди сходятся четыре цепи, каждая из которых тянется от одной из церквей. В том месте, где они скреплены воедино, и есть сердцевина мира. А еще к югу от этого места на горе Сион располагается церковь Святого Симеона. Там Господь омыл стопы учеников своих, и там же висит его терновый венец. По словам людей сведущих, именно в этом месте окончила свои земные дни Дева Мария, – рассказывал благочестивому монаху столь же благочестивый рыцарь.

Спутницы святого отца внимали речам воинственного пилигрима со смешанными чувствами. Точно пытаясь разгадать их, рыцарь то и дело кидал заинтересованные взгляды на девушек. Лицо одной из них, впрочем, было укутано серебристой тканью, полупрозрачной, но все же скрывающей ее черты. Зато ясный лик вельможной госпожи был щедро представлен для любования, словно бы в награду победителям.

– Эт самое, мой господин! – Оруженосец, высокий, худой, словно рыцарское копье, со взглядом столь же острым и переносицей, приобретшей форму латинской S в неведомых жизненных передрягах, насмешливо перебил своего рыцаря, явно не слишком заботясь о законах куртуазии.

– Ну шо ты барышням голову морочишь? Они тут счас составят компанию Деве Марии, потому шо уже все мухи от твоего рассказа давно повыздыхали. Ну да, правда, церквей там валом. Но это ж только кожура банана. Вот помню, пошли мы как-то с господином рыцарем утром подвиг совершать.

Вы не глядите, шо он на вид скромный, а так, ежели какой город на копье не возьмет или там армию сарацин не порубит в мелкое какаду, это ж все – день бездарно вычеркнут из жизни. Он мчится в ближайшую церковь, бьет поклоны о камень лбом и так пока очередной колодец не продолбит! Какое ни есть, а по тем местам – тоже полезное времяпрепровождение! Ну так вот, пошли мы, стало быть, на подвиг, и как назло – ни тебе крепости, ни сарацин. А уже далеко отъехали, до церкви тоже возвращаться – ноги по колено стопчешь. Видим – пещера. Ну, мы туда, может, там великан какой притаился или хотя бы сорок разбойников... Никого! А уже пить хочется, потому как земля – святая, а сушняк – обычный, не побоюсь этого слова, посконный и кондовый. И вдруг сэр рыцарь видит – бутылка, ну, в смысле, кувшин. Мы к нему. Он от нас.

– Не зовут ли твоего почтенного господина, о доблестный воин, Гаруном аль Рашидом? – скрытая серебристым покровом, усмехнулась Мафраз.

– Шо, вы уже слышали? Ну надо же, на ходу подметки рвут! Не, его по-разному зовут, он не всегда отзывается. А счас как начал в Святой земле подвиги совершать, так его уже и не зовут вовсе, наоборот вот, попросили найти еще какую-нибудь землю, которую не так жалко...

Севаста Никотея вполуха слушала болтовню тощего франка. Она слыхала, что где-то там за морем есть люди, именующие себя трубадурами, или же менестрелями, которые, не считаясь ни с правдой, ни с приличиями, воспевают подвиги своих господ, и несомненно полагала бойкого оруженосца одним из них. В другой раз она, может быть, уделила бы ему больше внимания, но сейчас ее интересовал сам этот немногословный сдержанный рыцарь с прямым уверенным взглядом чуть задумчивых и даже, пожалуй, грустных глаз. Таких глаз не доводилось ей встречать у воинов, которых она видела прежде, а повидала она их немало.

«Пожалуй, внешность обманчива, – раздумывала Никотея. – Михаил Аргир выше этого рыцаря едва ли не на голову, значительно шире в плечах и выглядит куда как более воинственно. Но, как сказывают, этот франк сегодня на палубе так легко разделался с моим неусыпным стражем, будто был пред ним не грозный воин, а расшалившийся мальчишка. Интересно, он всегда таков или же сейчас просто смущается, любуясь мной? Это хорошо, что он любуется. Можно сказать, глаз не сводит. Не стоит оказывать ему покуда никаких знаков внимания. Можно лишь слушать и временами улыбаться невпопад, просто так, при звуке его речей. Он пойдет за мной, как привязанный щенок. А когда я захочу, этот щенок вновь обратится во льва и уничтожит того, кого я повелю. Это очень кстати, что он появился!

Конечно, Михаил Аргир весьма рискует, отправляясь прямо в руки отца убитого им Алексея Гавраса, но еще вчера открыть архонту Григорию, кто лишил жизни его сына, значило остаться одной среди чужаков. А так...»

Никотея улыбнулась своим мыслям, улыбнулась мягко и нежно, так что сердце всякого мужчины, увидевшего ее в этот миг, непременно должно было заколотиться в страстном желании видеть эту улыбку еще и еще.

– ...Ну, тут дракон и говорит моему рыцарю нечеловеческим голосом: «Не губи меня, потому как внесен я в книгу, обтянутую красным бархатом, как самый что ни на есть распоследний негодяй, ну, в смысле, экземпляр. А хочешь, возьми все мои сокровища, шо я тут за триста лет накрышевал». А мой рыцарь ему отвечает: «Где ж я тут таких ослов найду, чтоб они сокровища хрен зна куда тащили? Так шо придется тебя зарубить. Или отдавай самобеглый кувшин – я в нем до самого города Ершалаима верхом поеду». Дракон в слезы, говорит: «Лучше уж руби, потому как кувшин этот сам по себе бегает и никакого сладу с ним нет». Огорчился тогда мой рыцарь и стал вместе с драконом думать, как приманить кувшин. И решили они играть с драконом в подкидного дурака. Полетели в ближайший город, присмотрели подходящего дурака – и давай его подкидывать. Долго ли, коротко ли подкидывали, а кувшин тоже прибежал посмотреть, шо же там такое происходит. Дракон его хвостом – хрясь! Ну и мой рыцарь его тут же на лету взял. Сел на него сверху, а он не тянет. Взмолился, говорит, мол, грузоподъемность не та. Открыли его, а оттуда – дым, ну то есть перегар.

– И что, вылетел джин?

– Садись, два! Не угадала. Оттуда вылез сантехник.

– *Лис, что ты несешь?!* – то ли возмутился, то ли восхитился его напарник.

– *Откуда я знаю? Видишь – на ходу придумываю. Я ж не виноват, шо девушке в простыне «Тыщу и одну ночь» бабушка на ночь читала, да еще небось на языке оригинала!*

– Сан-Техник – это такой местночтимый святой, – запинаясь, вставил защитник Гроба Господня.

– Точно-точно, он чинил водопровод, сработанный еще рабами Рима, евойные остатки около Кесарии до сих пор стоят.

– Чьи? Сан-Техника?

– Их. Враги нашей церкви его поймали, засунули в кувшин, залили спиртом, а он все эти века единственно Божьей волей и освященным собою чистым спиртом сохранился и пошел ремонтировать водопровод. Обещал к Страшному суду управиться.

Мессир рыцарь, господин монах на меня как-то нехорошо смотрит, – сам себя перебил Лис. – Я шо, шо-то не то сказал?

Будь Михаил Аргир нынче днем изранен в сражении, вряд ли он страдал бы больше. Его отчаянно злил тот факт, что по какой-то нелепой случайности его верная секира прошла в двух пальцах от головы этого чертова крестоносца.

Подобно большинству ромеев, он не жаловал грубых неотесанных франков, возомнивших себя наследниками славы Римской империи. И все отчего – оттого, что их напыщенные римские епископы назвали себя ни много ни мало викариями святого Петра. А это нелепое письмо, которое якобы написал император Алексей Комнин графу Фландрии фактически с просьбой оккупировать Константинополь?!

Эти вероломные наглецы, крича о своей великой цели, только и смотрят, где бы что откусить – словно прожорливые псы. Конечно, сельджуки враги, кто с этим поспорит? Но они – враги прямые, и достойные порою если не жалости, то хотя бы уважения. Эти же – нет. Уж лучше враги, чем такие друзья. Не так давно они клялись в верности императору Алексею и бросились воевать с ним, едва смогли добраться до Святой земли – до ромейских земель, занятых сарацинами. Какая низость, какая подлость! И они еще смеют говорить о благородстве! Если б не этот негодный монашек, он бы приказал своим людям выкинуть за борт всех чертовых помощников во главе с их вечно ухмыляющимся капитаном. Ишь как скалится.

Михаил Аргир мерил палубу взад-вперед, шагая между скамьями, точно надсмотрщик. Гребцы, знавшие буйный нрав именитого патрикия, вжимали головы в плечи и старались как можно тише погружать весла в воду, дабы нечаянным всплеском не вызвать ярость грозного воина. Некоторые из них своими глазами видели, как днем во время схватки рыцарь-крестоносец каким-то неуловимым движением легко свалил его на палубу и не убил, пожалуй, только из милости. Они понимали, что это скорее всего нелепая случайность, но знание это хотя и доставляло им некоторое удовольствие, заставляло тревожиться за собственные головы.

«Надо что-то делать, – твердил про себя Михаил Аргир. – Конечно, смерть капитана все запутала наихудшим образом. Без этого странного торговца из Амальфи до Херсонеса не доплыть. И все же это опасно. И торговец с его людьми на борту, и этот рыцарь с долговязым оруженосцем... Слишком много чужаков. А я отвечаю за безопасность Никотеи и всего посольства. Надо приставить своих людей ко всем этим непрошеным „друзьям“. Кто его знает, что они замыслили? Опять же кто знает, не заведет ли амальфиец дромон, ну, скажем, в лапы землякам-венецианцам? Все же это опасно, очень опасно. Нет, мое место сейчас – рядом с Никотеей».

Ободренный этой мыслью, Михаил Аргир вытащил меч, взглянул на полированный металл, скривился и вернул оружие в ножны. Следовало бы, верно, прикончить иноземцев, но не здесь и не сейчас... А хорошо бы – здесь и сейчас! Он направился к кормовой надстройке. Из-за дверей адмиральской каюты слышался веселый смех и бойкая речь кривоносого оруженосца. «Над чем это он потешается? – ожгло ромея. – Не надо мной ли? Недолго, недолго осталось вам скалить зубы!»

Восход застал Анджело Майорано на палубе.

– Земля! – закричал марсовый, указывая на тянущуюся вдалеке темную полоску, почти скрытую утренним туманом.

– Слава Деве Марии Амальфийской! Слава Угоднику Николаю! Слава Георгию Победоносцу! – моментально сложив руки на груди, быстро заговорил капитан. – Мы недалеко от цели. Я узнаю эти места. Почтеннейший дон Микаэло, – подозвал он угрюмо стоящего неподалеку Аргира, – вот взгляните, там, впереди, видите мыс? Солнце еще не успеет стать в зените, как мы дойдем от него до благословенного Херсонеса. Я родам свой товар и вернусь в Амальфи богатым человеком. Я острою еще один корабль, такой как «Ангел Господень». – Он повернулся, желая указать на «Шершня», но... – Где?! О Господи всеблагой, всемогущий, где мой корабль? О нет, нет, нет! Неужели они потеряли нас из виду? Неужели они сбились с курса?!

– Корабль на горизонте!

– Ну слава богу, это мой «Ангел»! – Анджело Майорано схватил висящий на груди крест, усыпанный пульсирующими кровью гранатами, и страстно принялся целовать его.

– Два корабля! – поправился впередсмотрящий.

– Два? – Капитан Майорано бросился к борту. – О нет! Это не «Ангел», тараны над водою – это сицилийцы.

– Сицилийцы? Откуда бы им здесь взяться? Им не пройти мимо Константинополя!

– Если мне скажут, что Отвилль и его сицилийцы перетащили свои дьявольские корабли через булгарские горы, я буду склонен в это поверить. Я не могу сказать, откуда они взялись, но это сицилийцы. Правьте к берегу, возможно, они нас еще не заметили.

Глава 7

Дорога превыше правил собственного движения.
М. Шумахер

Король Англии нехотя отодвинул в сторону объемистый том «Деяний апостолов» и уставился на вошедшего. Пожалуй, больше всего на свете он любил читать книги и делал это всякий раз, когда представлялась такая возможность. Однако гнусные подданные то и дело коварно пытались лишить своего монарха часов досуга, чем, естественно, вызывали у Генриха, прозванного Боклерком, сиречь Грамотеем, нескрываемое раздражение.

– Ну что еще? Послы, засуха, явление архангела Гавриила? Что привело тебя ко мне, негодяй, в столь неурочный час?

Фитц-Алан, почтительный, а пуще всего терпеливый, как то подобает королевскому секретарю, учтиво склонил голову, делая вид, что не замечает досады в тоне господина.

– Только что в Лондон был доставлен барон Сокс. Как вы и приказали, его гнали в цепях бегом от самого Нортумберленда.

– И он добежал? – Генрих Боклерк порывисто вскочил на ноги и упер руки в бока. – Нет, ну каков негодяй! Он что же, не мог издохнуть по дороге?

Фитц-Алан молча развел руками.

– На все воля Божья, – резюмировал он после короткой паузы.

– Помолчи лучше! Что ты такое несешь? А как же воля короля? Или ты желал бы заставить Всевышнего лично заниматься управлением этой землей, где невесть кого больше – изменников или же тупоголовых болванов, не способных даже на измену?

– Я лишь напоминаю о том, что вы обещали сохранить жизнь барону, если он сдастся на вашу милость.

– Ну да, разве кто-то пытался его убить? Я также обещал как можно скорее встретиться с ним, дабы выслушать его претензии. Это ведь, кстати, было и его пожелание. А то, что для этого пришлось столь далеко бежать, так не я, а именно Господь расположил Нортумберленд в таком отдалении от Лондона. Но ведь ты же не станешь спорить с тем, что бегом оттуда можно добраться значительно быстрее, нежели шагом.

– Однако, мой лорд, раз уж Господь дал сил барону, чтобы никто не смог назвать вас впоследствии коварным вероломцем, быть может, вы примете его? – смиренно потупив глаза, поинтересовался Фитц-Алан.

– А что, ты знаешь кого-то, кто станет именовать меня коварным вероломцем? – Генрих Боклерк подошел вплотную к секретарю и крепко схватил его за ворот.

– Мне неведомы такие люди, – не пытаясь освободиться, прохрипел Фитц-Алан.

– То-то же. Да, конечно, я встречусь с Соксом. Пожалуй, даже назначу его своим личным скороходом. – Он развел руками. – От Нортумберленда до Лондона в цепях, бегом!.. Ну почему у меня такие крепкие враги и такие хлипкие друзья?! Одна радость – я все же побеждаю. Ну, где Сокс? Мы уже битый час с тобой болтаем, а его все нет. Это называется бежать?

– Он внизу, ждет вашего распоряжения и... едва держится на ногах.

– Ну что за глупости? – скривился Генрих Боклерк. – Я же обещал ему встретиться как можно раньше, а я всегда держу слово. Что же касается его ног, то до них мне дела нет. К тому же в моем королевстве, так и передай ему – в *моем* королевстве, каждый может бегать, как ему вздумается. Не может на ногах – пусть бегает на руках. Давай веди его скорей. – Король с силой подтолкнул Фитц-Алана к двери. – Господи, – вздохнул он, обращаясь к оставленному на столе манускрипту, – вот и апостол Павел в своем послании к Тимофею клеймит неразумных, возносящих свои мифы и родословия вопреки истинной власти Господней. Ибо что есть

суть веры, как не власть? Власть Господа над миром, короля – над смертными. Разве не есть государь для подданных то же, что Всевышний для этой юдоли печали? А стало быть, измена есть вероотступничество и карать за нее следует без всякой жалости.

Фитц-Алан вернулся через несколько минут. Его сопровождали двое стражников, волокущих очень запыленного, очень измученного высокого мужчину средних лет с резкими чертами гордеца и холодными синими глазами, кажется, единственным, что было еще живо в этом громыхающем кандалами узнике. Генрих Боклерк обошел вокруг пленника, любуясь достигнутым результатом.

– Джон Сокс. Некогда барон, некогда полководец, некогда добрый христианин.

– Барон Джон Сокс, – процедил его гость, с трудом шевеля губами. – Твой чертов отец, поскребыш, так записал меня в придуманные им Книги Судного дня[23], стало быть, дотоле я и буду бароном.

– Джон Сокс, – продолжая кружить вокруг пленника, точно акула вокруг жертвы, насмешливо ухмыльнулся король, – совсем недавно ты и впрямь был бароном. Что мешало тебе и далее оставаться им? Нынче ты – изменник и вероотступник. А вот скажи, что отличает тебя от любого землепашца на этом острове? Молчишь? А я скажу тебе. Ты не умеешь пахать землю. Стало быть, ты еще и хуже самого распоследнего из моих подданных. Ты никчемный человек.

– Я честный рыцарь.

– Ну полноте, честные рыцари не восстают против своего короля. А раз ты восстал, значит, ты изменник, и говорить о чести с тобой мне не пристало. А раз у тебя нет чести, стало быть, ты – не рыцарь и не барон. Так, Джон из Сокса, бродяга и самозванец.

– Мой род уж больше трех столетий известен на острове. И не тебе, внуку кожевенника и сыну ублюдка, учить меня законам чести. Я сражался за свое отечество.

– Помнится, в прежние годы против короля Малькольма Шотландского ты воевал за мое отечество. А потому не расточай зря хулу на мертвых, и раз уж я обещал тебе, что выслушаю, говори все, что хотел сказать. – Он остановился и, неожиданно схватив барона за ухо, притянул к себе. – Я знаю, что отец моей бабки выделывал кожи, а дорогой батюшка являлся бастардом! – закричал Генрих Боклерк с такой силой, что стражники едва не отшатнулись. – Запомни это и больше не повторяй. И вот еще. Вся ваша спесь и храбрость саксов не помогли отстоять Британию, когда Вильгельму пришла в голову замечательная мысль ее покорить.

– Господь покарал святотатца, даровав ему в сыновья тебя, – вздохнул узник.

Генрих Боклерк расхохотался и вернулся к столу.

– Никогда еще не слышал столь изысканной лести. Что ж, благодарю тебя. Однако с чего вдруг ты именуешь моего покойного батюшку святотатцем? Разве он, а не ваш данский прихлебатель Гарольд, нарушил клятву, принесенную в Нормандии на многих весьма почитаемых святынях?

– Коварство отца твоего подобно коварству Далилы, остригшей волосы Самсона. Не он ли силой оружия принудил короля Гарольда принести клятву на алтаре, в котором были спрятаны эти самые пресловутые святыни?

– Молчи, богохульник! Ты именуешь пресловутыми святынями величайшие сокровища христианского мира!

– Ни один епископ, ни один аббат, да что там, ни один приходский священник на острове не признал этой клятвы.

– Наглец! Да как ты смеешь говорить такую ересь? Ведь сам Папа Римский признал святость этой клятвы и благословил поход моего отца.

– Так и воры на ярмарке кричат, поддерживая друг друга.

---

[23] Книги Судного дня – составленный по приказу Вильгельма Завоевателя реестр всех земельных владельцев Англии.

– Ты что же, несчастный, именуешь вором святейшего Папу?

– Нашей благочестивой церкви нет дела до гнезда разврата и симонии, в которое превратился двор римского епископа. Теперь же, когда ваши Папы множатся, словно черви из грязи, кто в здравом уме поверит в их святость?

– Джон Сокс! – Генрих Боклерк помрачнел. – Ты негодяй. Я обещал пощадить тебя за прямую измену и злоумышления против королевской власти, но ты восстаешь против христианской веры, а за такое преступление не может быть снисхождения. Я велю казнить тебя. Разорвать конями. Немедля, на городской площади.

– Мне все едино. Когда б меня это пугало, я уже давно бы расстался с жизнью. Но я пришел сказать тебе – ты сухое дерево, Генрих Боклерк. Твои ростки бесплодны. Ты скоро умрешь, мне это ведомо доподлинно. И с твоей смертью пресечется род ублюдка на моей земле. А ты будешь умирать мучительно, куда мучительнее, чем я сейчас. И будешь сознавать, что ничего не можешь сделать, ибо род твой проклят. Я все сказал. Где там твои кони?

Король заметно побледнел.

– Говори, что ты знаешь?

Барон Сокс молчал.

– Слышишь, говори! Говори не медля!

Пленник закрыл глаза, точно впадая в дремоту.

– Нет, не спи, отвечай! – Генрих тряхнул его за плечо. – Отвечай, что тебе известно?

На губах мятежника появилась торжествующая усмешка.

– Увести!

– Прикажете объявить о казни? – смиренно поинтересовался Фитц-Алан.

– Какая еще казнь? – взорвался монарх. – Вы что, сговорились сегодня донимать меня своей глупостью? В подземелье его. И запомни, мой дорогой Фитц-Алан, он должен жить и мучиться, покуда не скажет все, что ему известно. И где, где, черт побери, Матильда? Я уже давно велел ей быть здесь!

Было у старика Танкреда двенадцать сыновей. И жили они в Нормандии и звались д'Отвилли. Во времена правления герцога Нормандского Робера, с нежностью прозванного своими поданными Дьяволом, сыновья доблестного рыцаря Танкреда мелкими группами начали перебираться в теплые края, туда, где климат лучше и платят больше. Потому что какая ж может быть жизнь, когда кругом сплошь одни морские разбойники и их потомки?

Когда б Италия знала, чем грозит ей это малое переселение народов, она бы забыла о внутренних распрях и перекрыла границы, чтобы только не допустить д'Отвиллей на свою территорию. Но беспечные итальянцы пребывали в неведении, а нормандские братья двигались, не привлекая внимания, по два-три человека. И даже когда один из братьев был радостно провозглашен президентом республики Апулия, итальянцы еще радовались, какие у них появились доблестные защитники. Спохватились они, когда Апулия перестала быть республикой и стала наследственным герцогством Отвиллей. Вскоре к ней прибавилось еще одно герцогство – Капуя.

Папа Римский Лев IX, в свое время слывший недурным военачальником, верно оценил обстановку и заключил союз с византийцами, чтобы раз и навсегда силой избавиться от дерзких захватчиков. Но братья Отвилли тоже не были новичками в военном деле и не стали дожидаться, когда его святейшество объединит свои войска с имперскими. Они разгромили армию викария святого Петра, а его самого взяли в плен. В будущем подобное обращение с понтификами превратилось в добрую традицию этого нормандского рода. Византийцы, понятное дело, в одиночку не стали ввязываться в сражение с д'Отвиллями и отступили.

Возмущенный Папа Римский вступил в яростную переписку с константинопольским патриархом Михаилом Керуларием, которого он называл виновником поражения и изменником. Патриарх не остался в долгу, клеймя римского епископа самозванцем и узурпатором.

Результатом заурядного сражения у безвестного селения Чивитатти стал раскол христианской церкви на католическую и кафолическую, или православную, и признание Отвиллей «герцогами Апулии и Калабрии милостью Божией и Святого Петра и в будущем, с их помощью, герцогами Сицилии». Будущего д'Отвилли, как водится, дожидались недолго, и пока один из братьев, Робер Гвискар, освобождал от византийцев континентальную Сицилию, другой высадился на острове и в несколько лет заставил местных эмиров склонить пред ним выю. За Сицилией последовали Мальта и Родос, Корфу, Антиохия и земли, некогда принадлежавшие Карфагену.

Сын младшего брата Гвискара – Роже II д'Отвилль уже носил титул короля обеих Сицилий. Он имел свои глаза и уши везде и не без основания слыл наиболее информированным монархом Европы. В его землях католики прекрасно уживались с кафоликами, иудеи с мусульманами и все вместе – друг с другом. Римский престол однажды попытался исправить это вопиющее безобразие, но, как это водилось у Отвиллей, стремительно был сокрушен, и очередной слуга слуг Господних со вздохом признал Роже II своим легатом в Сицилии.

Прошло еще немного лет, и Сицилийское королевство стало наиболее процветающим и спокойным государством Европы, а его столица Палермо – самым крупным и богатым городом после Константинополя.

Но от плеяды яростных предков монарх этого процветающего королевства унаследовал нестерпимый зуд пониже мантии, толкавший его идти все дальше, захватывать, покорять, сокрушать и диктовать свою волю. Ибо, если отец и дядья его были разбойниками, ставшими владетельными герцогами, он был монархом с рождения, а положение обязывало.

Потому-то, когда Анджело Майорано утверждал, что он не удивится, если ему скажут, будто сицилийцы перетащили свои корабли через горы, он говорил чистую правду. Трудно было найти точку известных христианам побережий, вблизи которой рано или поздно не объявилась бы оригинальная средиземноморская версия нормандского дракара, ставшая основой огромного сицилийского флота.

Лукавил он в другом. Ему было известно, каким образом корабли Роже д'Отвилля оказались у берегов Херсонеса, как, впрочем, и место, где они обычно базировались.

– Рулевым держать правее! – скомандовал капитан Майорано, хмуря брови. – Остальным – ускорить темп. Бейте в литавры так, будто за вами гонится сам морской черт! Давайте скорее, они нас еще не заметили! Если мы уйдем за тот мыс, то сможем ускользнуть. Давайте же, налегайте на весла!

Гребцы что есть силы навалились на опостылевшие рукояти. Сейчас дромон не мог давать полную скорость. Пленные сельджуки, с запозданием понимавшие команды, сбивали с ритма соседей, вразнобой дергали тяжеленные валки длинных весел, не давая им входить в воду мягко и плавно.

Анджело Майорано с длинным витым бичом носился по палубе, изрыгая проклятия и хлеща зазевавшихся без всякой жалости. Михаил Аргир вновь строил щитоносцев, готовясь в случае неудачи маневра достойно встретить нового врага.

– Быстрее! – звенело над палубой, давайте быстрее, быстрее!

Мало кто на охваченном суетой и паникой корабле заметил, что дромон почти не двигается с места. Вернее двигается, но совсем не так, как бы того хотелось его экипажу.

В отличие от них сицилийцы легли в дрейф и без излишней суеты наблюдали за происходящим, с интересом ожидая, чем все закончится. Они не слышали, как надрывается капитан дромона, обещая гребцам, что если те не напрягутся, то пойдут на корм рыбам, но готовы были спорить с кем угодно и на что угодно – местной кефали нынче не грозит смерть от голода. И

если бы каким-то невероятным образом в этом месте гребцам удалось вывернуть корабль и обойти мыс, они, пожалуй, были бы первыми в истории судоходства в здешних водах, кому бы это удалось. Потому, а вовсе не из-за страха перед византийцами и, конечно, не из-за эпидемии близорукости, охватившей их, сицилийцы не спешили сближаться с замеченным кораблем.

Как один из лучших капитанов Роже II, Анджело Майорано тоже прекрасно знал об этом. Одной рукой потрясая в воздухе бичом, другой распихивая столпившихся на палубе латников, он направился к кормовой надстройке, выкрикивая по пути яростные проклятия команде, Нептуну, нормандским собакам и всем, о ком только мог вспомнить в этот момент. Корабль неумолимо несло на скалы, и не было уже силы, способной остановить грядущее крушение.

– Слушай, капитан. – Лис уклонился от столкновения с протискивающимся Анджело Майорано и бросил на него недобрый взгляд. – Есть авторитетное мнение, шо счас тут начнется то, шо именуется «концы в воду». Я по молодости лет в тутошних местах на раскопе подрабатывал. В нашем мире, конечно. Здесь жуткое течение. Одна радость – к берегу. Валить отсюда надо. Чем хошь побожусь, драки не будет, будет большое джакузи нам всем.

Рыцарь с пристальным исподлобья взглядом печальных глаз оглянулся и кинул слово, которое, услышь его окружающие, мало что сказало бы им.

– Баренс?

Ответ вряд ли прояснил бы ближним суть вопроса.

– Уже. *Пробиваемся к правому борту, к корме за веслами, прыгать лучше оттуда,* – тут же прозвучало в голове рыцаря.

– *Погоди, а девушки? Их надо спасти.*

– *Не бузи, капитан, я все понимаю, но, во-первых, счас пару сотен мужиков пойдет на дно – и это медицинский факт. Он тебя почему-то не волнует,* — ожесточенно работая плечами и локтями, увещевал Лис. – *Но спасти принцессу — это ж святое.*

– *Все здесь, кроме них, выбрали свою судьбу.*

– *А на это, как говаривал Глеб Жеглов, есть второй пункт. Ты думаешь, Майорано поперся на корму заметку в судовом журнале делать? Как пить дать, он все заранее спланировал.*

Анджело Майорано не слышал переговоров своих диковинных пассажиров, да и услышав, понять бы не мог. Впрочем, меньше всего в этот момент его интересовали чьи б то ни было речи, будь то хоть святейший Папа или пророк Мухаммед. Ударом ноги распахнув дверь в роскошную каюту севасты, он быстро заскочил внутрь и тут же закрыл ее на засов.

– Прекрасные доньи и вы, святой отец, мы обречены! Корабль вот-вот разобьется о скалу! Гребцы – тупые скоты, но у нас еще имеется шанс. Течение здесь к берегу. Помогите мне выбить окно этим столом. – Он схватился за палисандровую столешницу. – Мы выбросим его, и сами прыгнем в воду. Он большой, и выдержит четверых, остальное течение сделает за нас. Но прошу вас, не медлите, умоляю! Сейчас все зависит от нашей ловкости и... действенности ваших молитв, падре. Давайте же, хватайте!

– *Ну вот, я же говорил!* – отключая картинку, наблюдаемую глазами Джорджа Баренса, объявил Лис, хватаясь за планшир фальшборта. – Эй, на дромоне! Бросайте все, прыгайте! – закричал он и, демонстрируя пример, сиганул в чуть зеленоватую воду.

Ступени княжьего терема были устелены бесерменскими[24] коврами и потому не скрипели под сапогами. Владимир Мономах ступал тяжело, с досадой чувствуя, как оставляют его неисчерпаемые, как прежде казалось, силы. Стражники наверху у входа скрестили копья за его спиной. Разбуди посреди ночи – они бы бойко отрапортовали, что в думную молельню никого пущать не велено, а коли силой пройти замыслит, то и валить без сожаления, невзирая кто

[24] Бесерменский – восточный.

таков. А уж в час, когда в думной молельне сам Великий князь для помышлений сокровенных уединяется, так и вовсе не то что человек слово молвить, и собака окрест тявкнуть не должна.

Князь спустился по лестнице, постоял перед дубовой, окованной железом дверью, дважды повернул закрепленное тут же массивное кольцо и при слабом колеблющемся свете факела увидел открывшуюся щель замочной скважины. Сняв с пояса ключ, он отворил хитроумный замок и, склонив голову, чтобы не зацепить низкую притолоку, вошел в темное помещение.

– Приветствую тебя, Великий князь! – раздалось из темноты.

– И тебе мой поклон, – молвил Владимир Мономах, держа перед собой испуганно мечущийся под низким сводом факельный огонь. Неровное пламя выхватывало из темноты странный, пожалуй, даже ужасающий предмет – человеческую голову в украшенном каменьями золотом венце. На лоб из-под венца выбивались длинные темные пряди волос, столь же темная, чуть седоватая борода едва не скрывала серебряное блюдо, на котором лежала голова. Князь поежился, сквозь пламя факелов поймав на себе немигающий взгляд ярких с поволокой желтых глаз.

– Что скажешь, княже? – как-то неестественно шевеля губами, проговорил человечий лик.

– Кинули жребий. Мстиславу идти.

– Это хорошо. Что же гнетет тебя?

– В Киеве неспокойно, – нехотя выдавил князь, – говорят, чудище какое-то в Днепре видели. Бают, лодку рыбацкую пополам, точно былинку, перекусило. А еще сказывают, корову утащило...

Владимир поймал себя на мысли, что ему мучительно, до зубной боли и дрожи в коленях не хочется касаться темы, ради которой он, собственно, и пришел сюда.

– Страшное чудовище, – негромко, с едва уловимой тенью насмешки проговорила голова. – Не беда, князь. Оно, может, и к добру, а не к худу. Вели Мстиславу чуть свет идти к берегу Днепра да взять какую-никакую коровенку с собой. Пусть загонит ее в реку да стегает, чтоб та мычала и воду коломутила. А как всплывет чудище ужасное – пусть тогда не зевает и рубит его что есть мочи. О том не печалься. Будет сыну твоему победа, а воинам его перед дальним походом – добрый знак.

– Как ты сказал, так и сделаю, – склонил голову Великий князь.

– Это мудро, – прошептал собеседник Мономаха и продолжил, не спуская с повелителя Киевской Руси тяжелого, погружающего в оцепенение взгляда. – Но ведь ты не с тем пришел.

– Все тебе ведомо, дух нечистый, – как-то враз обмякнув, вздохнул Владимир Мономах.

– Почто клеймишь меня облыжно? Было ли когда, чтоб я солгал, чтобы слово мое от истины уклонилось?

– Правда твоя, – нехотя признал его собеседник. – Не было такого.

– Было ли когда, чтоб я у тебя награды требовал или жертв каких?

– И того не случалось, – признал Великий князь, – а только ведаю я, что все это – козни лукавого. Ни к чему словеса твои, все мне ведомо. Не ради себя, а только ради земли Русской на великий грех пошел, душу свою обрек на муки адские.

– Чего убоялся, княже? Нешто слова, данного тобою?

– Слова... – повторил Владимир Мономах, – по слову тому весь я ныне во власти твоей. Чую, уж близок день расплатный. Нынче за окном светлицы всю ночь пес черный выл. Уж и каменьями его отгоняли, и мясо кидали – воет, паскуда.

– И ты устрашился?

– Не то! – резко вскрикнул Мономах. – Я никогда ничего не страшился – сам ведаешь. И на врага любого ходил, и пардуса злого руками с одним засапожником брал. Другое тут. Знаю

я, что приходит година моя. Что ни день, грудину жжет, а сердце то вскачь идет, то вдруг – раз – и будто стало. И дышу – не продышусь. Видать, помру днями.

– Нет, не днями, но скоро. Да и то, обещаю тебе, и умрешь-то ты лишь для этого мира.

– Нешто вурдалаком меня сделать порешили? – ужаснулся Великий князь.

– О-о-о-о-о!.. – едва не взвыл необычный собеседник. – Не демон я, князь, не Вельзевул, не Люцифер, не кто иной из кругов адских. Уж сколько лет речам моим внимаешь, почто ж усомнился?

– Ладно уж, – махнул рукой Владимир, – когда ж такое было, чтоб лукавый да вдруг правду сказал. Снявши голову, по волосам не плачут. Говори, что мне делать надлежит, как смертушку лютую принять?

– На краю земель твоих, близ реки Итиль средь пустых лесов озеро имеется, зовется оно Светлояр.

– Как же, ведаю, – кивнул Мономах, – в прежние времена посреди него еще град стоял, Китежем звался.

– Он самый. Вот пред тем, как Мстислав в земли дальние отправится, объяви сынам и ближним людям свою волю. Мол, желаешь ты в те края наведаться и в водах светлояровых искупаться...

– Стало быть, утопнуть мне надлежит, – обреченно выдохнул потомок императора Византии.

– Поступай, как я говорю, – уже резко отчеканила голова, – и помни о слове, тобою данном. Я не демон, но и гневить меня не стоит.

– Слово мое – пуще стали, – выпрямился Мономах, – а тебя, хоть ты и дух адский, не убоюсь.

Глава 8

Я верю только в те чудеса, которые делаю сам.
Гарри Гудини

Вальдар Камдил греб что было сил, пытаясь одолеть течение и оказаться на песчаном берегу, а не на каменистой гряде, довольно неприветливо торчавшей из-под воды и очень напоминавшей нижнюю челюсть уснувшего дракона.

– Давай, капитан, греби! – слышалось рядом.

Еще мгновение, и этот звук был заглушен жутким треском, криками, звоном и скрежетом. Беспомощный дромон, окончательно предоставленный бездушному течению, врезался форштевнем в подводную скалу и опрокинулся, точно детский кораблик, пораженный метко брошенным окатышем. Море вокруг огласилось воплями ужаса, стонами и криками о помощи. Но предпринять что бы то ни было ни вчерашний крестоносец, ни его спутник менестрель уже не могли. Закованные в железо латники, посаженные на цепь гребцы шли на дно, единым воплем стараясь облегчить свою участь. Но тщетно – пучина уравняла их.

– Давай греби! – орал Лис, хватая за плечо и толкая вперед своего друга. – Понацепил тут скобяную лавку...

– Э-э-э, ты что? – попытался было противиться рыцарь, но все впустую. Ловко орудуя кинжалом, оруженосец срезал кожаные ремни доспеха, будто доставая устрицу из раковины. Плыть стало гораздо легче. Еще немного, и Вальдар Камдил без сил уткнулся щекой в мокрый песок, чувствуя, как языки волн облизывают его с пяток до самой головы, и пена щекочет ноздри.

– Але, капитан! К сведенью отдыхающих, ваш загар будет куда эффектнее, если вы снимете рубашку! Ну вставай, шо разлегся? Выжили, и слава богу! – Сидящий рядом на корточках Лис потряс его за плечо. – Давай поднимайся, не время сейчас наслаждаться красотами Южного берега Крыма.

Рыцарь притянул колени к груди, с усилием перевернулся, вставая на них, затем, опираясь на руку друга, поднялся на ноги.

– Да-а... – Сергей критически оглядел доблестного соратника. Длинная холщовая, вернее кевларовая, рубаха чуть выше колен свисала мокрой тряпкой, и лишь болтавшаяся на шее перевязь с мечом сейчас напоминала о воинском прошлом спасшегося. – Видок не плакатный. Шо-то мы как-то с этой поездкой... поиздержались. Срочно надо шо-нибудь придумать на тему представительских расходов, потому как я сильно опасаюсь, шо в этих краях не то шо «Вестерн Юнион», банальных телеграфных переводов не получишь.

– Что там у Баренса? – наконец прохрипел рыцарь.

– В смысле, у него денег занять? Прости за каламбур, но думаю, он сейчас тоже на мели.

– Ты можешь хоть сейчас не балагурить! Мы даже не знаем, жив ли он! – неподдельно возмутился Камдил.

– Да че ты взъелся? У тебя такой же символ веры, как и у меня – активируй связь и узнай. Искусственное дыхание рот в рот тебе, слава богу, делать не надо, так шо с этой сложной задачей как-нибудь справишься.

– Прости, – мотнул головой рыцарь, – это крушение... – Он коснулся рукой нательного креста, проступающего под облепившей грудь рубахой.

– Да ладно, я понимаю, – отмахнулся Лис. – Давай, пока суд да дело, ты проясни обстановку, а я пройдусь по берегу – может, еще кто выжил. Опять же, ты вон буквально как кубинский патриот – в плавках и с мачете, а у меня ж кроме ножика ничего не осталось. Куда это, на фиг, годится? Может, Нептун чем поделится.

– Давай, я на связи.

* * *

Стол – не лучшее плавсредство, и золоченые ножки его даже отдаленно не напоминают мачты. Никотея и Мафраз с максимально возможным в подобной ситуации комфортом устроились на столешнице, Анджело Майорано и Георгий Варнац, держась одной рукой за импровизированный плот, другой что есть мочи гребли к берегу. Очень скоро к ним присоединилось еще несколько «гребцов», все как на подбор из команды «Святого Ангела». Никотея напряженно вглядывалась в спасителей и вслушивалась в их отрывистые слова. Она не владела той жуткой помесью италийского, готского, лангобардского и прочих варварских языков, на которой общались спасшиеся мореходы, но благодаря сестрам-монахиням отлично знала латынь и потому в общих чертах понимала, что капитан заверяет соратников в том, что некий «Шершень» будет ждать их в гавани Херсонеса. «Это может быть очень полезно, – думала Никотея, – переводя взгляд с амальфийцев на неуклонно приближающийся берег. – Надо быть полюбезней с этим злополучным капитаном. Кто знает, чем закончится теперь вся затея с посольством. Очень хорошо, что неподалеку у этого купца есть еще один корабль. Если ему пристойно заплатить, он наверняка согласится доставить меня в Константинополь или же, наоборот, в неведомую Кияву».

При мысли о том, что пылкому италийцу придется платить, у Никотеи досадливо сжалось сердце. Кроме драгоценностей, которые были в этот момент на ней, никаких других средств у нее больше не было. Корабль, везший богатые дары Великому князю и его сыновьям, подарки архонту Григорию Гаврасу и золото для подкупа киевской знати, быстро погружался в воду. На глаза Никотеи навернулись чистые, совершенно искренние слезы. Конечно, ей не было дела до тех, кто в эти самые мгновения расставался с жизнью, но мысль о том, что очень скоро гордой севасте будет суждено предстать жалкой просительницей перед архонтом, терзала ее подобно зубной боли.

Совсем недавно, когда дядя Иоанн вздумал забрать юную родственницу из монастыря, ей уже доводилось пережить унижение. О, как искренне она тогда сыграла радость от встречи с ненавистным дядюшкой, как ластилась к нему... точно голодная собачонка, увидевшая кусок мяса в руке у живодера.

Не дай, Господь, этому повториться! Никотею передернуло, и слезы, дотоле капельками стекавшие от уголков глаз к крыльям носа, полили весенней капелью. Она глухо зарыдала, пряча лицо в ладонях, от жалости к себе и досады на сельджуков, пиратов-сицилийцев, неудачливого капитана, окрестные скалы – словом, на все, что могло именоваться злой судьбой. «Господь этого не допустит! – твердила она себе. – Какой позор! Что ты делаешь? Немедленно прекрати плакать! Никто не должен видеть твоих слез».

– Джокер 1 вызывает Звездочета! – раздалось на канале связи.

Монах-василианин продолжал грести, лишь чуть заметно оглянувшись по сторонам.

– Слава богу, Вальдар, ты жив! Где Лис? Вы целы?

– Мы оба в порядке. Вы-то как?

– Практически на берегу. Со мной обе девушки и капитан со своими людьми. Похоже, ты был прав. Этот морской волк — волк и есть. Уверен, он в доле с сицилийцами.

– Это уж точно. Не зря же их корабли держались поодаль. Куда легче и безопаснее собрать то, что выкинет море или же останется после отлива, нежели бросаться на огнеметный дромон.

– Боюсь, ты прав, мой мальчик. А потому я был бы благодарен тебе и Лису, если бы вы оба поскорее присоединились к нашей милой компании. Этот добрый малый рассказывает своим людям, что «Шершень», так он именует корабль, ждет его команду в Херсонесе. И,

признаться, я весьма опасаюсь, что сеньор Майорано намерен пригласить севасту, конечно же, без меня, но, возможно, со служанкой в Палермо. Говорят, Роже II — большой любитель красивых женщин.

– Дайте маяк, мы скоро будем. Лис отправился поискать какое-нибудь оружие, а заодно и посмотреть, быть может, еще кто-нибудь выжил.

– Его лук?.. – настороженно поинтересовался Баренс.

– Увы.

– Прискорбно, весьма прискорбно. Но что ж поделаешь. Лови сигнал, я вас жду. И поскорее.

Лис появился не один. С ним пришли еще трое. Суровые дети Севера, именуемые в Константинополе варангами, а на Руси – варягами, не склонны были сдаваться даже в мгновения столь очевидной смертельной опасности. Они были намерены выжить и потому выжили. Лица воинов были мрачны, вид их, растрепанных и вымокших до нитки, вызывал скорее жалость, нежели, как подобало, страх. И все же северяне были в доспехах и при мечах. Правда, без щитов и шлемов. На поясе Лиса, хлопая его по бедру при каждом шаге, болтались ножны с кривым восточным мечом, одним из тех, что достались после вчерашней схватки в качестве трофея.

– Ну шо, мессир рыцарь, внутренний голос подсказал тебе, где искать высокое посольство?

– Подсказал, – одобрительно глянув на усмехающегося напарника, кивнул Вальдар.

– Ну, а че мы тогда сидим, в смысле, наоборот, стоим? Они ж там небось извелись в разлуке. Пошли заключать их в объятия! Тем более я вчера глазом кинул – там есть кого. – И оруженосец-трубадур пошел за своим рыцарем, напевая себе под нос древнюю походную балладу:

Куда идем с одним деньем —
Большой-большой секрет,
И не расскажем мы о нем,
О нет, и нет, и нет!

Спасшиеся встретились, едва небольшой отряд босоногого крестоносца обогнул мыс, на добрую сотню ярдов выдающийся в море. Облик грозного воителя в промокшей насквозь рубахе и шоссах, опоясанного мечом, вызвал у девушек некоторую оторопь.

– Мессир рыцарь, что за вид? – чуть зардевшись, спросила Никотея.

– Это мессир рыцарь доспехи в стирку сдал, – не давая спутнику вымолвить и слова в ответ, вмешался менестрель. – Погода солнечная, ишь как припекает. Обещали, шо скоро высохнут. Сначала чуток море, а потом сразу и они. *Не, ну какая стервь! Вид ее не устраивает!* – возмущенно выдал он на канале связи, едва отзвучали произнесенные вслух слова.

– По большому счету она права.

– По большому счету за нее платить будут, когда продадут какому-нибудь паше или, если тебе больше нравится, сицилийскому мафиози. Слушай, капитан, шо-то ты мне не нравишься. То ли у тебя в связи с утонутием по причине утопления солнечный удар сделался, то ли, шо куда фатальнее, ты решил втюриться в очередную голубоглазую Красную Шапочку.

– При чем здесь Красная Шапочка? – возмутился Камдил.

– Это, видишь ли, такая порода девиц, которые способны съесть волка даже среди ледовых торосов или же наоборот – прямо на лужайке перед Букингемским дворцом.

– Всадники! – указывая рукой вдаль, крикнул один из варангов.

– Где? – Лис обернулся. – *А вот как раз и волки. Судя по загогулинам на шлемаках ни дать ни взять сицилийские туристы.*

– Убегаем, убегаем скорей! – закричал Анджело Майорано.

– Куда? По следам Моисея, прямиком через море?

– Наверняка они ищут сокровища, которые могли быть на дромоне.

– Ага, а типа девушку в пурпуре с ног до головы они не заметили. Или она им не нужна. Такие себе бандиты-женоненавистники! От таких бежать – только запыхаться. Лучше уж тогда за стол переговоров сесть. Вот, кстати, и стол валяется.

– Чего же ты хочешь? – гневно блестя глазами, взвился амальфиец.

– Святой отец, как вы полагаете, нам удастся убедить этих несчастных, что Роже II будет крайне недоволен, узнав, что его любимого кузена, графа Вальдарио Квинталамонте, извините, ваше сиятельство, мне уж придется раскрыть ваше инкогнито, – Лис поклонился в сторону рыцаря, замершего с обнаженным мечом в руках, – вдруг решили, не побоюсь этого слова, нагло ограбить его любезные подданные?

– Это правда? – переходя на итальянский, обратился к Камдилу Анджело Майорано.

– Такая же неоспоримая, как то, что солнце всходит на востоке и погружается в воды океана на западе, – с заметным сицилийским акцентом произнес рыцарь.

– Вы – граф Квинталамонте?!

– Да, сын Драго д'Отвилля...

– Там еще один отряд! – неожиданно вмешалась Никотея, прерывая Камдила, уже сполна включившегося в предложенную напарником игру. – Куда больше первого. И... над ним орел Гаврасов.

Испокон веку надднепровские кручи покрыты густым лесом. Толстенные дубы, широко раскинувшие ветви над рекой, помнили еще те времена, когда пришедшие невесть откуда братья Кий, Щек и Хорив вместе с сестрицей Лебедью решили завязать с бродяжничеством и остановились в этих местах жить-поживать и добра наживать. Особо древние зеленые исполины помнили даже апостола Андрея, который, поглядев кругом, прикинул, что дальше идти смысла нет, и благословил эти земли перед тем, как отправиться в обратный путь.

Но ни во времена Кия с братьями, ни в годы апостольских странствий ветви дубов не были столь густо обсижены людьми, как в это очень раннее утро. Казалось, их больше, чем желудей. А уж в желудях, судя по виду местных свиней, недостатка в этом году не было.

– Тять, а тять! – мальчонка-рыбарь ткнул пальцем в сторону статного витязя на широкогрудом белом жеребце, неспешно выехавшего к самой кромке воды. – Глянь-ка, вон князь Мстислав!

– Нешто без тебя не вижу, – одернул его отец.

– Тятя, как мыслишь, заборет Мстислав Владимирович чудище али нет?

– А то как же! – чуть слышно проговорил рыбарь, глядя, как княжьи слуги тащат к берегу упирающуюся корову. – У нашего князя-то силища – ого, какая! Вона, палица с полпуда, а н ею машет, все равно как ты – ложкой!

– Ой, так ведь и чудище, сказывают, силищи огроменной! Мне Фролка с Боричева узвоза сказывал, что намедни оно лодку с рыбарями, вот как мы с тобой, сожрало в один присест, даже весла не сплюнуло.

– А ну, цыть! Чего языком рожь мелешь? – одернул его отец, чувствуя, как вдоль хребта проходит невольная дрожь. – Дурень твой Фролка. Ну кого, скажи, оно сожрало? Все ж как есть живы.

Между тем слуги втолкнули буренку в воду и издали начали кидать в нее каменья и хлестать бичом. Несчастное животное, жалобно мыча, пробовало было прыгать, но илистое дно не давало.

– О, а вон и Святослав Владимирович пожаловали, да не один, с дружиной! – выпалил мальчишка.

– Нишкни! Без тебя вижу.

Чуть поодаль от того места, где в ожидании подводного страшилища стоял князь Мстислав, и впрямь показался его брат с отрядом гридней в полном боевом облачении. Он искренне досадовал, что не ему, а Мстиславу отец велел идти биться с кокодрилом и, вдруг что, готов был ринуться в сечу, спасая брата и ища себе ратной славы. Пока же он мрачно глядел на близнеца, на жалобно стенающую худую коровенку и со смешанным чувством тревоги и досады ждал, выйдет ли что-нибудь из этой затеи.

– О-о-о-о-о! Ах! – Над днепровской водой вдруг, разбрасывая брызги, высоко поднялась длинная, в две сажени шея, заканчивающаяся разверстой зубастой пастью.

– Свя-свят-свят! – взревел лес на днепровской круче.

Шея выпрямилась, и голова монстра тараном ударила в смолкшую от ужаса корову, сбивая ее с ног. И в тот же миг палица весом в полпуда с богатырского размаха полетела меж глаз устрашающей твари. Позабыв о раненой скотинке, чудище изогнулось и, отряхнувшись, точно от легкого шлепка, бросилось в атаку, отгоняя соперника.

Новый слитный вопль ужаса раздался из дубняка. Не теряя времени, князь натянул удила, разворачивая коня и пуская его вскачь вдоль берега. Осознав промах, чудовище вновь нырнуло в пучину, вынырнуло чуть далее и снова бросилось на Мстислава. Но не тут-то было. Поудобней перехватив копье, Мономашич галопом направил коня навстречу стремительно бьющей голове страхоидолища. Наконечник копья ударил чуть левее пасти и, скользнув в сторону, будто пред витязем было существо не из плоти и крови, а из самого что ни на есть железа, прошел мимо, не причинив чудовищу никакого заметного вреда. Впрочем, голова змея как-то странно дернулась и будто бы склонилась вбок.

По инерции Мстислав проскочил чуть далее, чем следовало, и в тот же миг зубастый подводный змий ушел от следующего копейного удара и, обвив конские ноги петлей, свалил его в воду. Будь на месте князя не столь опытный в ратном деле витязь, может, на том бы для него и окончился бой. Утоп бы несчастный, так и не высвободив ноги из стремян. Да не таков был Мстислав. И брызги еще не успели упасть на взбаламученную днепровскую волну, как он уже стоял на ногах по пояс в мутной жиже, и харалужный меч его блистал в лучах восходящего солнца.

Зубастая голова снова ринулась на неподатливого врага, стремясь обвить его, сдавить, лишая сил, а далее... и подумать страшно. Но в тот миг, когда уже казалось, что спасения нет, Мстислав Владимирович выставил перед собой щит, разворачиваясь и уводя чудовищную главу мимо себя, а затем что есть мочи рубанул по мощной шее. Один раз рубанул, затем, не веря, что больше та не движется, еще раз, и еще. Чудище вдруг дернулось в конвульсиях и забилось по воде, поднимая волну. Затем исполинская шея снова взвилась над речной гладью, совсем как в начале боя, и рухнула вниз, в прямом смысле теряя голову. Огромное бурое пятно начало расползаться вокруг нее, и вопль ликования гремел над днепровской кручей, над Киевом, когда не над всей Русью.

– Велик наш князь! – кричали горожане.

– Новый Егорий Хоробрый! Истинный драконобоец!

– Тять, а тять, – белый как полотно Глеб прижался к отцу, выкрикивающему здравицу князю, освободившему днепровские воды от страшного змия, – я тако-ое видел!

– Что ж ты видел-то, Глебушка? – обернулся к нему отец.

– Как чудище князя-то нашего с коня сверзило, я глаза отвел, боялся глядеть, как пожрет оно его, как вдруг, глядь, а из-под воды очи на меня дивятся, вроде как человечьи. Смотрят, не мигают, и взор от них не отвести. А потом вдруг исчезли, точно и не были.

– Померещилось тебе с перепугу, сынок. – Рыбак взъерошил пятерней волосы отрока. – Ну, полно, более нечего бояться.

– Может, и померещилось, – вздохнул парнишка. – У-у, какой взгляд был.

* * *

Генрих Боклерк расхаживал взад-вперед по двору Тауэра, едва слушая утренний доклад секретаря.

– Король свеев разгневан. Он утверждает, что подворье в Йорке принадлежало ему и его предкам еще во времена Кнута Великого. Захват его он почитает личным оскорблением и посягательством на его земли.

– Ну и что? – Король Англии на секунду остановился. – Да, я захватил это подворье. Оно очень удобное. Мне нет дела до того, что им владел король свейский, как, впрочем, неинтересно, кто там хозяйничал до него. Но разве мыслимо, что какие-то чужестранцы на моей земле строят едва ли не крепости, забивают их товаром под крышу и ни пенни не платят за это мне? У них прекрасная гавань, и одному Богу известно, что и кого они решат спрятать в своем подворье. Там могли укрываться наши враги, и мы бы об этом ничего не знали. Нет, положительно, я не понимаю, что так взбесило короля свеев. Если он хочет, может захватить мое подворье в своей земле.

– Но у вас там нет подворья.

– Что ж, тупая твоя башка, предлагаешь мне построить его? – Генрих Боклерк с недоумением поглядел на Фитц-Алана. – Хорошо, отпиши королю, что я готов построить крепость где-нибудь недалеко от его столицы и дать ему полную возможность ее захватить, ежели, конечно, у него выйдет.

– Боюсь, что наш северный сосед не удовлетворится подобным ответом.

– Тогда ему придется удовлетвориться потерей Йоркского подворья. Впрочем, я готов сдать его в лен, если король признает себя моим вассалом. В моем королевстве могут быть только мои земли и земли моих вассалов, никак иначе. С этим окончено. Что там еще?

– Король Людовик VI интригует против вас, склоняя баронов Корнуэлла к мятежу...

В этот миг ворота Тауэра распахнулись, и в них, осаживая коня, влетел перепуганный всадник.

– Мой лорд! – Гонец скорее упал, нежели соскочил с коня. – Белый корабль...

– Что Белый корабль? – Генрих Боклерк резко дернулся, точно его огрели по спине палкой.

– Он... – Приехавший шумно вдохнул и вновь повторил. – Он...

– Ну, что такое?

– Он утонул.

– Что?! Где мой сын? Что с ним?

– Он...

Король подскочил к скорбному вестнику, хватая его за грудь и тряся так, словно надеясь вытрясти совсем другие известия.

– Что с ним?

– Принц возвращался из Нормандии, с ним еще трое, – гонец замялся.

– Да, мои бастарды. Ну, говори!

– Графы, бароны, всего триста человек, считая команду.

– И что же?

– Ночью все перепились, а корабль наскочил на скалу. Спасся один кок. Он просидел всю ночь на верхушке мачты. Утром его нашли рыбаки...

– Господи!.. – Генрих Боклерк отбросил в сторону гонца и обхватил голову. – Кок спасся. Кок на верхушке мачты. Фитц-Алан, ты слышишь? Кок спасся! Четверо моих детей пошли на дно, а какой-то жалкий поваришка – выжил! – Король пнул ногой вестника, тот растянулся на земле, даже не силясь подняться, чтобы не провоцировать новый приступ ярости государя.

– Уму непостижимо! – хватая воздух ртом, с трудом выдавил король. – Вильгельм мертв. Фитц-Алан, ты слышишь? Вильгельм мертв, у меня больше нет престолонаследника. Ты понимаешь это, Фитц-Алан?!

– Понимаю, мой лорд, – сдавленным голосом прохрипел королевский секретарь, в прежние годы бывший воспитателем юного принца.

– Сокс, проклятый Сокс! Это все его колдовство! Где он?

– В подземелье, государь.

– Идем к нему! Нет, постой. Где Матильда?

– Она еще в землях империи, но, как вы и приказали, собирается возвращаться домой.

– Я пошлю за ней отряд, пусть сопровождают ее повсюду день и ночь. Если понадобится, пусть засыпят этот чертов пролив и перевезут ее посуху. Но... молчи! Ты понял, что я тебе сказал. Теперь так. Раз уж этот кретин, эта мокрица, император, так и не удосужился сделать ей сына, вспомни и перепиши мне всех королей, принцев, герцогов, у кого есть сыновья брачного возраста. Англии нужен наследник. И как можно быстрее. Ты все уразумел?

– Да, мой лорд. Но осмелюсь сказать, это будет сложно.

– Ты что же, скотина, утратил память, или пальцы твои не в силах больше держать перо, или в Англии перевелись чернила?

– Прошу извинить меня, государь, но... вас не любят.

– А им вовсе не надо меня любить. Пусть любят мою дочь, да покрепче. К вечерне составь мне список, об остальном я позабочусь сам. У Матильды будет муж, даже если мне придется украсть его из замка Сите. А сейчас – к Соксу. Он расскажет мне все!

Взвывшие боевые трубы напоминали львиный рык в миг, когда царь зверей дает понять окрестной живности, кто в саванне хозяин. Отряд сицилийских всадников, насчитывающий не более полусотни человек, вовсе не горел желанием доблестно сложить головы у безвестного мыса на берегу Понта Эвксинского. Сотня клибанофоров[25], опустив длинные, в четыре ярда копья, неслась в атаку на чужаков. Черные конские хвосты над их шлемами развевались по ветру. Флажки на древках хлопали, солнце отражалось в начищенной до блеска пластинчатой броне всадников и лошадей.

Еще целый бандон[26] легкой кавалерии широкой дугой огибал прибрежную равнину, охватывая сицилийцев с фланга и стараясь зайти в тыл. Удайся этот маневр, и «гости издалека» оказались бы точно муха меж двух ладоней, сошедшихся в хлопке. Но сицилийцы решили, что жажда наживы – еще не достаточный повод расстаться с головой и потому, заблаговременно поворотив коней, со всех ног припустили прочь. Легконогие андалузские жеребцы были им хорошим подспорьем в этом благородном начинании.

Клибанофоры, неудержимые в копейной сшибке, на своих мощных широкогрудых конях не слишком хороши в преследовании, и потому, осознав, что врага не догнать, тяжело вооруженные всадники повернули к берегу, где все еще находились спасшиеся жертвы кораблекрушения.

Впереди грозного отряда гарцевал наездник в богатом чешуйчатом доспехе, покрытом темно-синим плащом с золотой узорчатой каймой. Лицо его было до глаз закрыто кольчужной маской, над вызолоченным шлемом развевался черный с красными прядями плюмаж. На лазурном миндалевидном щите всадника красовался золотой двуглавый орел, из плеч которого вырастал косой крест, поднимавшийся над орлиными головами. Тот же знак был изображен на

[25] Клибанофоры – византийские тяжело вооруженные всадники.

[26] Бандон – кавалерийское подразделение византийской армии, около 300 человек.

хлопавшем по ветру знамени в руках следовавшего за военачальником дофора[27]. Мохноногий фризский жеребец гнедой масти горделиво выступал под командиром могучих всадников.

– Боже правый! – приблизившись к живописной группе на берегу, воскликнул тот. – Глазам своим не верю! – Наездник отстегнул кольчужную полость, открывая лицо. – Да это же сама несравненная Никотея! Надеюсь, прекрасная севаста помнит меня? Я – Симеон Гаврас. И трех месяцев не минуло с той поры, как я привез в Константинополь ко двору младшего брата, Алексея.

– Господи! – не спуская лазурных глаз с воителя, отчаянно вскрикнула севаста и, вскинув ладони, точно пытаясь закрыть ими лицо, рухнула на руки подоспевшей Мафраз.

[27] Дофор – знаменосец.

Глава 9

Человек должен любить других людей ровно настолько, чтоб они не мешали ему любить самого себя.
Оскар Уайльд

«...И по молению христианскому прибрал Господь души грешников – герцога Вильгельма Нормандского и многих графов и баронов его – и тем покарал за многие святотатства, за нечестивость и богомерзкий нрав, коими он с отцом своим, злодейным разбойником и развратником Генрихом, королем бриттов, был равен». – Аббат Сугерий поглядел на выведенные гусиным пером строки и осенил себя крестным знамением. Конечно, грешно было радоваться смерти рабов Божьих, а уж тем паче братьев во Христе, но все же столь нелепая и в то же время такая своевременная гибель наследника английского престола представлялась истинным даром небес.

В последние годы принц Вильгельм доставлял немало хлопот королю Людовику, постоянно подзуживая мятежных баронов севера воевать против своего государя, снабжая их золотом, оружием и давая укрытие в землях Нормандии. Теперь следовало ударить по Руану – столице непокоренного герцогства, не дожидаясь, пока Генрих Боклерк придет в себя и сможет оказать достойное сопротивление.

Поставив отточенное перо в чернильницу, аббат Сугерий поднялся из-за стола и призвал к себе секретаря.

– Прибыли ли расчеты, сделанные архитектором для заложения храма Девы Марии Парижской?

– Еще нет, но я послал за ними.

– Очень плохо, – покачал головой аббат Сугерий. – Устав велит вскорости отходить ко сну, а это значит, что я смогу вновь заняться делом только после всенощной. А времени мало.

– Ваше преподобие, – почтительно склонил голову секретарь, – осмелюсь доложить, прибыл Бернар, настоятель Клервоской обители.

– В такой час? Что же ему надо?

– Он приходил, дабы коснуться священного чудодейственного знамени святого Дионисия, что именуется Орифламмой.

– И что же, коснулся?

– Коснулся, ваше преподобие, но теперь смиренно просит вас принять его.

– Ну что ж, коли расчетов все равно еще нет, зови его. – Аббат Сугерий расправил сутану и задумчиво прикрыл глаза. Ему не нравился настоятель Клервоской обители. В прежние годы им доводилось встречаться трижды, и каждый раз аббат Сугерий с грустью убеждался, что даже в деле служения Господу искреннее рвение может быть чрезмерным, а стало быть, опасным. Мрачный огонь, которым время от времени вспыхивали глаза этого молодого выскочки, выдавал в нем человека своенравного и нетерпимого, способного легко перепутать собственную волю с волей Господа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.